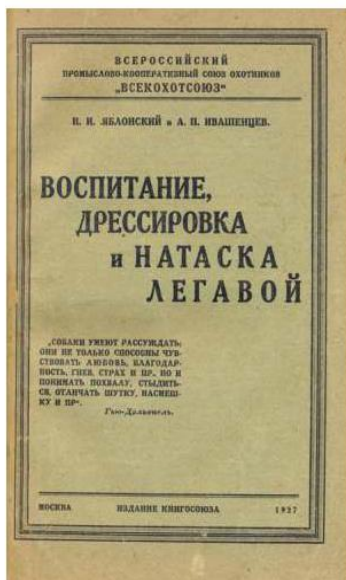

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

**Николай Иович Яблонский Александр Петрович
Ивашенцев**

Воспитание, дрессировка и натаска легавой

<http://piterhunt.ru/Library/yablonskiy/legavaya/oglavlenie.htm>

«Воспитание, дрессировка и натаска легавой»: Издание КНИГОСОЮЗА,

Москва, 1927

Аннотация

**Николай Иович
Яблонский Александр
Петрович Ивашенцев**

**Воспитание,
дрессировка и натаска
легавой**

<http://piterhunt.ru/Library/yablonski>

«Воспитание, дрессировка и

натаска легавой»: Издание

КНИГОСОЮЗА; Москва; 1927

Аннотация

Авторы излагают главные элементы воспитания охотничьих собак, разбирают вопросы выбора и содержания щенка, а также его обучения (натаски).

**Н.И. Яблонский, А.П.
Ивашенцев**

**Воспитание,
дрессировка и натаска
легавой**

Дрессировка и натаска охотничьих легавых собак

*«Собаки
умеют
рассуждать;
они не только
способны
чувствовать
любовь,
благодарность,
гнев, страх и
пр., но и
понимать
похвалу,
стыдиться,
отличать*

*шутку,
насмешку и пр.»*

**Гью
Дэльзиель**

У нас принято считать дрессировку и натаску легавой собаки делом исключительно трудным, требующим массы времени, труда, особых знаний и опыта. Все это верно, если охотнику попадет не кровная, не породистая собака, унаследовавшая в целом ряде поколений охотничьи качества и инстинкт, а какой-нибудь вымесок, которому надо прививать страсть к охоте и стойку, вырабатывать послушание и опыт, заменяющие

прирожденную мягкость и охотничью инстинктивную сноровку кровной собаки.

Вот почему всякому охотнику, желающему получить истинное наслаждение на охоте, следует, прежде всего, добиваться собаки кровной, происходящей от хороших полевых работников в целом ряде поколений.

Если охотнику удастся добыть кровного, породистого щенка в возрасте до 4 месяцев, то дрессировка и натаска такой собаки ничего, кроме удовольствия, не доставит.

По опыту говорю, что происхождение щенка от полевых работников имеет огромное значение. Одна кровность, однако, далеко не гарантирует полевых качеств, и охотничьи инстинкты несомненно вырождаются и исчезнут у щенка, происходящего хотя и от кровных собак, но в предыдущих поколениях не работавших в поле, а бывших только комнатными или выставочными экземплярами. Инстинкты эти можно возродить, это несомненно, но это уже потребует и терпения, и труда, и времени.

Воспитание охотничьей собаки должно начинаться с самого раннего

времени и должно начинаться с дрессировки. Щенок трех месяцев уже вполне способен понимать некоторые предъявляемые к нему требования и подчиняться им. И вот с этого раннего возраста и необходимо начать щенку внушать основные требования дрессировки. Само собой разумеется, что первые уроки должны быть кратки и не утомительными для ученика.

Прежде, чем начинать говорить об уроках, необходимо сделать несколько предварительных указаний, исполнение которых обязательно, и без которых успех немыслим.

1. Раздражение наставника безусловно недопустимо, и если он только почувствует, что начинает сердиться, — надо прекратить урок и возобновить его только после полного успокоения.

2. Обучение, конечно, не обойдется без наказаний. Наказание должно состоять из одного-двух ударов хлыстом, более или менее сильных, смотря по вине и возрасту собаки, но применять наказание можно только при полной уверенности, что собака хорошо понимает предъявляемое к ней требование и не исполняет его исключительно по упрямству и

нежеланию, а отнюдь не по непониманию. Наказывать можно только, будучи совершенно спокойным, и наказание никогда не должно иметь характера битья. Можно только ударить, затем усмирить собаку ее виной и повторить удар. Если такое наказание не помогает, остается собаку взять на сворку и положить на более или менее продолжительное время.

3. Все приказания должны быть отдаваемы решительным, но тихим голосом, чтобы собака только слышала приказание. Крик и громкие возгласы портят дело: щенок

живо к ним привыкает и перестает обращать на них внимание.

4. Приказания надо сопровождать, по мере возможности, соответствующими жестами. И так как на охоте гораздо выгоднее легким свистом обратить на себя внимание собаки и знаком показать, что надо делать, то естественно необходимо стремиться к тому, чтобы со временем приказания заменить жестами. Жест бесшумен и виден на расстоянии.

5. Все действия наставника должны быть спокойны. К собаке нельзя подбегать, никогда не следует ее ловить. Порывистость,

раздражение, крики, ловля — пугают собаку, а страх, конечно, лишает ее способности соображать и понимать требование. Ласка, лакомства, определенность требований и настойчивость — вот верные средства добиться успеха.

Начинать дрессировку надо, играя со щенком и приучая его к себе. Для этого трехмесячного щенка лакомят каким-нибудь вкусным кусочком, называя при этом по имени. Затем, несколько отойдя, опять называют имя щенка, и когда он, слыша голос, взглянет, показывают ему кусочек. Он живо сообразит, что за кусочком надо

подойти, и, таким образом, в какие-нибудь 3—4 дня узнает свою кличку.

Когда щенок научится прибегать на кличку, то кличку надо будет заменить едва слышным свистом и таким же способом приучить щенка к свисту. Когда он узнает значение свиста, нужно перестать призывать его голосом и пользоваться для этого только свистом. Конечно, свист всегда должен быть одинаковый и, по возможности, короткий и тихий. Вот с того момента, когда щенок будет хорошо знать свист и приходить на него, и можно собственно начинать дрессировку.

Краеугольным камнем всего обучения должно быть умение щенка ложиться по первому требованию. Если от собаки удастся добиться, что она по первому приказанию, голосом или знаком, будет ложиться на том самом месте, где ее это приказание застанет, можно считать, что половина дела сделана, и с собакой, как бы она горяча ни была, справиться удастся.

Приказание ложиться можно отдавать кратким и хорошо слышным словом «лечь» («даун»), жестом будет поднятая кверху всегда одна и та же рука. Для приучения щенка ложиться надо взять в правую руку

лакомый кусочек, и, подозвав щенка, положить ему на спину левую руку. При этом надо опускать правую руку до полу, повторять «лечь» и с каждым приказанием слегка левой рукой нажимать на щенка до тех пор, пока правая рука не коснется пола, и щенок под напором левой руки не ляжет. Как только он коснется пола, надо сказать «возьми» и дать ему кусочек. Повторять это надо сначала раза по три, по четыре и останавливать урок, хотя бы щенок и ложился только под усилием руки; повторять урок можно раза по 3—4 в день, значит, всего-то он в день займет 12—15 минут. Скоро щенок

поймет, что для получения кусочка надо ложиться, и тогда уже должно заставлять его ложиться только словом «лечь», без помощи рук, и награждать кусочком только после отчетливого исполнения приказа. Когда щенок начнет ложиться без помощи левой руки, по одному приказанию, то слово «лечь» необходимо сопровождать поднятием кверху руки и держанием ее в воздухе, пока щенок не ляжет, а затем и совсем заменить приказание одним поднятием руки. Для этого надо поймать минуту, когда щенок смотрит на наставника: поднять руку, и если он не поймет, не ложится, то

оказать «лечь». Если он ляжет по поднятии руки, то его надо поласкать или угостить и отпустить словом «поди», опустив руку. Но пока рука поднята, он должен лежать, и попытки встать надо останавливать словами «лечь». Приучить щенка ложиться в комнате около себя можно отлично в неделю времени, занимаясь не более 12 минут в день и принимаясь за урок раза 4—5. Но, приучив ложиться, отнюдь не надо бросать этого урока, а повторять постоянно, и требовать безусловного исполнения. На этом основывается весь дальнейший успех.

Лакомства щенку за исполнение приказания надо давать, пока он лежит, удлиняя с каждым уроком время между, тем, как он ляжет, и тем, как ему будет дан кусочек. Отнюдь нельзя позволять щенку после того, как он лег, подниматься и подходить за кусочком, а дав кусочек, надо сказать щенку «поди» или «ступай», освободив его этим приказанием от необходимости лежать. По мере усвоения урока надо требовать, чтобы щенок вставал и уходил только после того, как получит позволение словом «поди» или «ступай», или как рука будет опущена.

Научив собаку ложиться около себя, надо будет отдавать приказание «лечь» на расстоянии, сперва, конечно, близком от себя, чтобы иметь возможность силой уложить щенка, а затем, все дальше и дальше, т. е. через комнату, через двор и т. д. Постепенно увеличивая расстояние, следует добиваться, чтобы собака ложилась при подъеме руки, где бы ее этот жест ни застал. Если собака, исполнив приказание «лечь» на расстоянии, встанет до позволения то надо взять ее за ошейник, привести на место, где она легла, и уложить, требуя, чтобы она лежала, пока не получит позволения уйти.

Сперва надо при этом быть около щенка, а затем удаляться, требуя, чтобы собака оставалась лежать. Если собака при этом все-таки будет вставать, то придется прибегнуть к привязыванию ее к колышку. Для этого в нескольких местах вбивают почти вровень с землею колышки с веревочкой и карабинчиком, на который легко было бы прихватить собаку, например, карабином к колечку ошейника, и подзвав собаку, укладывают ее у колышка и отходят. Попытки встать не удаются, а приказания «лечь» укладывают волей-неволей собаку. Когда она

успокоится и останется лежать, к ней надо подойти, приласкать, отцепить незаметно карабинчик и словом «поди» отпустить щенка. К этой крайней мере прибегать, впрочем, не приходится, если наставник последователен, настойчив, и если расстояния, с которых отдается приказание «лечь», увеличиваются последовательно и понемногу.

Приучив щенка хорошо приходить на свисток и ложиться в комнате, можно взять его на прогулку и расширить его образование приучением ходить на цепочке, затем у ноги и уходить только по приказанию. Перед выходом на

прогулку надо приучить щенка к ошейнику и цепочке в комнате или в огороженном пространстве. Выйдя на прогулку, надо сперва взять щенка на цепочку и, отойдя несколько шагов, приказать «лечь». Затем отцепить цепочку и с приказанием «поди» махнуть рукой от себя вперед. Щенок кинется бежать. Дав ему побегать, в ту минуту, когда он будет более или менее близко, свистнуть, и если он придет, приласкать, угостить и опять отпустить словом «поди» и жестом вперед. После двух или трех приходов на прогулке надо его подзвать и когда он подойдет, приказать ему «лечь». Таким

образом, увеличивая с каждой прогулкой требования, легко взять собаку в руки. Когда она будет хорошо подходить на свисток, можно будет приучить ее итти у ноги. Для этого надо взять на цепочку и, при порыве ее вперед, отдергивать слегка со словом «назад» или «к ноге». Надо следить, чтобы собака всегда шла с одной стороны и лучше слева. Конечно, сперва прогулки у ноги должны быть коротки и удлиняться постепенно.

Приучив ходить на цепочке, можно приучить ходить без нее у ноги тем же способом, если же собака без цепочки будет убегать, то

придется привязать сворку и бросив ее, волочиться за собакой, наступать на нее в случае порывов вперед. Месяцев 5—6 щенок уже будет прекрасно итти на свисток, ложиться и лежать по приказанию, ходить у ноги и отправляться вперед не иначе, как по приказанию.

Добившись всего этого, легко будет разработать у щенка поиск (челнок). Для этого надо будет увести щенка с дороги на луг и, отпустив его, итти за ним. Дав ему сделать несколько шагов, резко свистнуть, и когда он обернется, резким движением руки (если правой, то вправо, а если левой, то

влево) указать направление и самому двинуться по направлению руки. В большинстве случаев щенок сразу невольно кидается по указанному направлению. Этот маневр повторяют сперва не часто, чтобы не надоесть ученику, а затем все чаще и систематичное. Когда щенок хорошо научится повиноваться руке, его уже в равные, по возможности, промежутки времени отсвистывают и заставляют менять направление так, чтобы он шел зигзагами по ломаной линии вперед перед наставником вправо и влево, по возможности, на равные промежутки. Вначале, чтобы

заинтересовать щенка и дать ему понять выгоду послушания руке, указывающей направление, можно разбросать лакомые кусочки мяса и направлять щенка так, чтобы он натыкался на них, тут же можно повторять урок «лечь» и урок «возьми».

Такой постепенной подготовкой к 8-месячному возрасту очень легко научить щенка идти на свист, у ноги, ложиться на любом месте и менять направление хода по приказанию. Это все, что нужно для натаски, и при твердом усвоении щенком этих обязанностей, натаска не представит никаких затруднений, так как стойка

у кровной, происходящей от полевых производителей, собаки явится сама собой, а удержат собаку от гонки дичи и других пороков будет более, чем просто.

Нет никакого сомнения, что натаску лучше всего начинать по молотым бекасам и дупелям, где они имеются, а при отсутствии хороших болот по белой куропатке. Места, в которых водится эта дичь, широки, в большинстве случаев открыты и дают возможность легко следить за собакой. Болотная дичь и белая куропатка меньше бегут, чем глухари и тетерева.

Далее, в начале июля, молодые белые куропатки отлично выдерживают стойку и, переместившись, скоро дают след. Благодаря открытым местам, легко всегда подвести собаку против ветра, а это необходимо, что бы она с самого начала стала пользоваться верхним чутьем, а не шла бы все время низом. Я лично далек от мысли совершенно браковать в собаке умение разобраться последу низом, но это умение дается ей работой по тетеревам и глухарям, а при начале надо избегать всего, что может научить собаку копать на одном и том же месте. Молодую

собаку лучше всего брать одну, и если рисковать брать со старой, то старая должна быть безукоризненно послушной работницей по той причине, что все пороки и, главным образом, гоньба и непослушание перенимаются щенком невероятно быстро. Уже если не хочется очень долго ходить со щенком, лучше отдельно подыскать выводок и, отправив подальше старую собаку, итти с молодой на готовую дичь.

Выходя в поле, надо положить щенка, погладить и послать «вперед» с командою «поди, ищи» и предоставить собаке искать. Если она кинется по прямой вперед, ее

надо отозвать и направлять ее поиски перед собой. Напавши на след, собака встанет. Вот тут-то и понадобятся все предыдущие уроки.

Если собака стала плотно, то надо, не торопясь, подойти к ней, и послать ее вперед, поглаживая и зорко следя за ней. Большую службу может здесь сослужить длинная сворка из веревки в мизинец толщиной. Более тонкая захлестывается, может поранить ноги собаки, а толстая тяжела. Эту сворку надо, подойдя к собаке и незаметно для нее, взять в руки. Подвигаясь постепенно вперед, собака подойдет наконец, настолько

близко к дичи, что та взлетит. В самый момент взлета надо коротко и резко крикнуть «лечь». Собака, помня эту команду, невольно ляжет, и ее останется только удержать на месте. Тогда надо собаку вернуть на место и уложить. Положив ее, надо дать ей успокоиться и затем послать искать, но ни в коем случае не по направлению, куда улетела птица. Это необходимо, чтобы собака совершенно твердо усвоила себе, что бросаться за дичью она не смеет. Послав ее в обратную сторону, надо вслед за этим изменить направление незаметно для собаки, и если не попадется дичи на пути, подвести ее

против ветра к переместившейся дичи. Повторением описанного урока и исчерпывается натаска на первых шагах.

Когда собака научится отыскивать дичь и будет твердо стоять по ней, то следует начать отзывать ее от стойки, и если собака не пойдет от стойки, для этого надо опять пользоваться своркой; вернувшуюся собаку следует приласкать, полакомить и вновь послать, следя за тем, чтобы она прямо шла к месту стойки и не отвлекалась бы в поиск. *(Отличной подготовкой к этому уроку может служить отзывание щенка еще в*

возрасте 4-6 месяцев от пищи и от разбросанных по комнате и найденных им кусочков).

При взлете птицы безусловно необходимо требовать, чтобы собака ложилась. Должна она будет ложиться и при выстреле. На урок, когда предполагается начать стрельбу, много удобнее брать помощника и его заставлять стрелять, а самому следить за собакой.

Разработкой поиска, хорошей разумной стойкой, правильной, отнюдь не бесконечно медленной подводкой к дичи, отходом от стойки и лежкой при взлете и выстреле и

оканчивается натаска, обеспечивающая хорошую, красивую и успешную работу собаки.

Можно научить еще собаку подавать дичь и рапортовать (анонсировать), но это уже роскошь.

Впрочем, умная, кровная собака, хорошо отходящая от стойки, с годами в большинстве случаев сама додумывается до рапорта.

Наиболее распространенным пороком охотничьих собак являются срывы со стоек и гоньба (*При таком несчастье, внушенная еще щенку безусловная необходимость лечь по слову «лечь» сослужит огромную службу. Если собака*

хорошо знает эту свою обязанность, то справиться с гоньбой или с броском на дичь не трудно), и в огромном большинстве случаев в этом бывают виноваты сами охотники, слишком дорожающие добычей.

Надо твердо помнить, что с молодой собакой можно стрелять только ту дичь, которая поднимается из-под правильной стойки, все же срывающиеся на стороне, помимо собаки или после ее провинности, должно быть оставляемо без выстрела. Затем, отнюдь не следует охотнику бросаться к дичи, после того, как дичь упадет. Надо помнить

о необходимости удержать собаку на месте, уложить и успокоить ее. Затем послать ее найти убитую дичь, стать по ней, подойти к ней, дать собаке постоять по убитой и затем уже поднять ее.

Смею уверить, что при таком поведении охотника он всегда найдет и убьет больше и не испортит собаки, которая только при правильной охоте может доставить охотнику истинное наслаждение.

Общие замечания

Для каждого охотника по перу его подружейная собака должна составлять все.

Без хорошей подружейной собаки сама охота по перу теряет почти всю свою прелесть, все свое обаяние. Конечно, можно в местах, изобилующих дичью, и без собаки настреляться сколько угодно, но разве это будет охота, разве в таких случаях достанется в удел истому охотнику пережить те чудные, дорогие, так долго незабываемые минуты стрельбы из-под хорошо поставленной собаки?

Прежде всего, я считаю необходимым сказать здесь

товарищам по страсти, что я пишу не какой-либо трактат о воспитании, дрессировке и натаске подружейной собаки, нет! Я просто хочу поделиться с читателем теми моими знаниями, а главное опытом, которые я приобрел, поставивши на ноги не малое количество легавых в течение моей, сравнительно, долголетней охотничьей практики. Быть может и мои труды принесут пользу какому-нибудь начинающему на этом поприще собрату по страсти и я буду счастлив, если это будет так.

Пожалуй, нигде на другом поприще личная опытность, достигнутая многолетними

наблюдениями и практикой, не принесет такой огромной пользы, как здесь, при воспитании и, затем, натаске вашей собаки — будущего спутника ваших охот.

Я положительно утверждаю , что не может быть плохой подружейной собаки, раз она породна и обладает чутьем. Все дело здесь в тех руках, в которых находится эта собака. Хороши руки — хороша будет и собака, — поверьте мне. Не хвастаясь, скажу, что очень и очень много собак прошли через мои руки; были тут и пойнтера, и сеттера всех пород, несколько штук пресловутых, когда-

то пользовавшихся такой большой славой легавых прошли через них; большинство из них принадлежало мне лично, часть моему покойному отцу. Все эти собаки были хороши field-trials'у; но не было ни одной такой собаки, про которую можно бы было сказать, что она плоха в поле.

Право, тут не было ровно никакого искусства, даже труда для меня особенного не составляла никогда натаска подружейной собаки и выработка из нее более или менее хорошего полевого работника. Я люблю собаку, люблю настолько, что меня более охоты самой, пожалуй, увлекает возможно правильная

постановка собаки в поле. Прибавьте к этому известную долю опытности, приобретенную мною за время долголетней практики, — вот и все те обстоятельства, при посредстве которых все бывшие в моих руках собаки, раз они обладали чутьем, выходили далеко недюжинными полевыми работниками.

При любви к этому делу, не только можно хорошо поставить всякую чутьистую собаку, но даже и собаку нескольких полей, еще не вконец испорченную своим хозяином, можно исправить при известной настойчивости; только это последнее много трудней первого. В

первом случае вам приходится иметь дело со щенком, с неиспорченной еще натурой и натурой.относительно настолько мягкой, что, при известной доле настойчивости и терпения с вашей стороны, вы почти всегда можете сделать из нее все, что вам угодно; во втором же случае вам приходится бороться с характером уже испорченным, в который порочность настолько крепко запустила корни, что если не вырвать их до основания, то они будут все сильней и сильней разрастаться с каждым днем и каждым часом, проведенным такой собакой в поле.

Дальше я укажу на несколько случаев исправления испорченных собак нескольких полей, и читатель увидит, что такое исправление вполне возможно, при известной настойчивости и применении того или иного вида наказания.

Я ярый противник дрессировки и натаски подружейной собаки при помощи доброй плети, но иногда это является более чем необходимым, и тогда я, несмотря на всю мою жалость к моему питомцу, наказываю его, отлично зная, что это наказание принесет только одну пользу; но в то же время я всегда придерживаюсь того мнения, что

лучше совсем не наказывать собаку, нежели наказать ее как-нибудь слегка. Поверьте мне, что легкое наказание, в виде нескольких мазков плетью по спине провинившейся собаки всегда послужит ей только во вред; лучше ударить ее раз, но зато так, чтобы она надолго помнила, что за совершенный ею проступок ее наказали больно, и, уверяю вас, что после этого, в другой раз, она побоится сделать это; легкие же мазки сделают лишь то, что собака убедится в малой чувствительности наказания, привыкнет к нему и при первом же случае, повторит свой

проступок; и тогда узко много трудней будет справиться с нею.

Прежде чем начать работу с собакой, постарайтесь узнать ее характер. Собаки, как и люди, бывают и с мягким, и с упорным характером. Первые легче поддаются вашему влиянию, а вторые много трудней; но не смущайтесь и не бросайте начатого дела, коли вам попалась упрямая и злая собака; ваша настойчивость, а в крайнем случае парфорс и хлыст, рано или поздно сломят упрямство вашего ученика. Я, по крайней мере, прежде чем приступить к дрессировке и натаске собаки, всегда старался определить

индивидуальные черты характера моего ученика и никогда в этом не раскаивался: да и много легче к тому же натаскивать и вообще дрессировать ту собаку, характер которой знаешь вдоль и поперек.

Я придаю огромное значение для всей будущей работы собаки тому месту, где она провела первые месяцы своей жизни, и уверен, что воспитанница какого-либо питомника никогда не может быть так умна и развита, как если бы она выросла у вас на руках, жила бы с вами в одной комнате и спала бы у вашей кровати. Поэтому, мой совет постараться, понятно, если только

это возможно приобретать собаку, будущего своего друга и работника, хотя бы и из питомника, но во всяком случае в возможно молодом возрасте. Это положение будет вполне понятно, если мы сообразим только, что в любом питомнике, будь он более чем образцовый, положительно немислимо заботиться о каждом щенке в отдельности и развивать его природные качества. Щенков много, да к тому же они предназначаются и в продажу; так кому же будет охота возиться с каждым из них по отдельности, тем более, что это не прибавит им цены: собака не

натаскана, а значит и взять за нее столько, сколько за натасканную, нельзя.

Какой из видов подружейных собак более пригоден для нашей охоты это трудно сказать. Громадную роль в данном случае играет та местность, где вам придется охотиться, и личный вкус. Как пойнтер, так и сеттер, раз они хороших кровей и правильно поставлены, будут превосходными работниками, вполне пригодными для наших охот.

Я положительно не согласен с тем мнением большинства ружейных охотников, которые говорят, что как

сеттер, так и пойнтер имеют свои недостатки и достоинства, им одним присущие. Это совершенно неверно: обе эти дивные породы обладают природным чутьем, природной стойкой и природным же обширным поиском, и охотнику, любящему свою собаку, какой бы она породы ни была, остается только умело воспользоваться этими природными качествами современных подружейных легавых и развить их возможно лучше. Что же касается остальных качеств, то я согласен, что обе эти породы имеют как свои достоинства, так и недостатки.

В последнее время среди русских охотников большой любовью пользуется пойнтер. Это и понятно, если принять в расчет только то, что пойнтера (я говорю о собаках только известных кровей) почти что сразу принимаются за работу, и потому с ними и меньше возни в поле, нежели с сеттерами.

Немало прошло через мои руки и сеттеров, и пойнтеров, последних, пожалуй, даже много больше, чем первых, но я всегда придерживался и придерживаюсь того мнения, что, при равных достоинствах этих двух пород, т. е. главным образом при

одинаково развитом чутье, победа всегда останется на стороне сеттера.

Сеттер разумнее пойнтера, более привязан к своему хозяину, за которого он готов в огонь и в воду, натасканный работает в поле гораздо лучше и быстрее применяется во время работы как к характеру местности, где он идет, так и к дичи, по которой охотится его хозяин. Сравните работу сеттера и пойнтера, обладающих в равной мере полевыми достоинствами, и вы невольно согласитесь со мной, что работа пойнтера производит на вас впечатление замечательно хорошей машины, работающей более чем

безукоризненно, но в то же время однообразно до крайности. Вы восторгаетесь пойнтером, но вся ваша восторженность, все впечатление от его работы недолгое, вы вернулись домой, и впечатления изгладились, испарились бесследно; тогда как работа сеттера, обладающего теми же полевыми достоинствами благодаря своей осмысленности, картинности и разнообразию потяжек и стоек, надолго останется у вас перед глазами.

Попробуем же теперь по пунктам разобрать индивидуальные достоинства и недостатки как

пойнтера, так и сеттера (говорю о сеттерах вообще, будь то ирландец, англичанин или гордон — безразлично).

Чутье. Как пойнтер, так и сеттер в равной мере обладают хорошим природным чутьем, раз оно не испорчено какими-нибудь посторонними влияющими на него причинами.

Прибавить чутья вашей собаке невозможно, но оно может заметно развиваться с годами и с приобретением большей опытности. В какой бы местности вы ни охотились, будь то лес, степь или болото — всюду, помимо запаха,

издаваемого дичью, в обоняние собаки всегда будут попадать и другие запахи: трав, цветов, ржавого болота и пр., и если ваш любимец еще малоопытен в распознавании всех этих смешанных запахов, то вам и покажется, что он обладает небольшим чутьем; но та же самая собака, приобретая опытность частой практикой, много легче разберется в этих смешанных запахах и всегда разумнее отделит от них запах разыскиваемой дичи.

Может быть я и ошибусь, если скажу, что чутье сеттера более долговечно, нежели чутье пойнтера. Повторяю, что все мои выводы есть

только плод моих долголетних наблюдений и практики, на основании чего я убежден, что чутье у сеттера остается до глубокой старости и остается почти в той же мере, в какой оно было и раньше. Я только одного старого пойнтера видел с порядочным чутьем, да и то владелец его, на мое замечание, что чутье у его собаки до сих нор еще порядочное, сказал мне:

— Посмотрели бы вы, что за дивное чутье было у Доля лет пять назад: теперь и половины его не осталось.

Сеттеров же старых, очень чутьистых, я и сам имел и видел

множество. Первая моя подружейная собака были старая сука кровей прежних английских сеттеров. Дианка моя очень плохо видела и совершенно оглохла, от старости, но работала на славу, поражая всех видевших ее в поле охотников своим выдающимся чутьем. У прежнего барнаульского охотника И.К. Платонова очень старый сеттер чуть не до дня своей смерти обнаруживал такое выдающееся чутье, что оставалось только удивляться.

Поиск. Поиск и у сеттеров и у пойнтеров быстрый на карьере; но у первых он более осмысленный, нежели у последних. Что же касается

общей красоты и стильности поиска, то приходится сознаться, что карьер пойнтера более красив, чем у сеттера. Я могу сравнить карьер пойнтера только с карьером кровной английской скаковой лошади. Из сеттеров красивее всех идут английские они как бы, стелятся из стороны и сторону на полном карьере. Некрасив, сравнительно, бег ирландца, напоминающий собой волчий скок.

Подводка. Я не знаю, кому отдать преимущество в подводке к причуянной дичи. Оба, и пойнтер и сеттер, вполне выдержанные, подводят с такой картинной

страстностью, что трудно и желать лучшего. Оба ведут, как по нитке, едва переступая с ноги на ногу, и, кажется, каждый из них вот-вот замрет в картинной стойке. Пойнтер, прихватив запах дичи, в большинстве ведет к ней ровно, почти — что не пригибаясь к земле; сеттер же вытягивается как-то весь и почти припадает к земле.

Стойка. Что касается стойки, то пойнтер преобладает несколько над сеттером. У пойнтера, еще в щенячем возрасте, заметна большая склонность к каталепсической стойке; он трех-четырех месячным щенком уже долго стоит над всем,

что только обращает на себя его внимание, будьте голубь, курица, муха — ему все равно. У сеттеров стойка такое же врожденное качество, как и у пойнтера, хотя, к сожалению, приходится сознаться, что среди первых встречаются также экземпляры, у которых приходится не только развивать, но и вырабатывать стойку. Я не видел ни одного пойнтера, у которого пришлось бы вырабатывать стойку, а у сеттеров, в особенности у ирландцев и у гордонов, иногда приходится прибегать к этому.

Выносливость. Выносливость, какую кто требует от своей собаки,

вещь довольно условная. Я скажу, например, что считаю свою собаку вполне выносливой, если она, и конце июля или в начале августа месяца, в течение, положим, недели выдержит охоту изо дня в день, работал, понятно, только в утренние и вечерние ноля и отдыхая среди дня, в жар; другой же такую выносливость может найти недостаточной и требовать от собаки более продолжительной работы. Поэтому, это требование более чем чрезмерно: собака не машина, и ей нужен отдых. Попадаются, положим, собаки, обладающие прямо-таки

изумительной выносливостью; но это исключение, а не общее правило.

Я знавал нескольких таких, которые всякого смело могли поразить своей выносливостью. О прежних английских сеттерах нечего говорить, так как почти все они, за редкими исключениями, отличились поразительной выносливостью, из легавых моего времени я укажу на двух, выносливость которых была прямо-таки изумительна. Одна из них кофейно-пегий пойнтер-сука Мод, вышедшая из известного питомника А. А. Ланского, и принадлежавшая ныне умершему барнаульскому охотнику Я. А. Сулину,

настолько была вынослива, что после месячной охоты, изо дня в день, по степи за тетеревами и белыми куропатками, даже и с тела никогда не спадала. Один такой месячный сезон охоты она работала на моих глазах, и каким ходом она пошла в первый день работы, таким же и закончила его в последний. Надо знать при этом, что в Барнаульском уезде, Томской губ., охота по выводкам тетеревей и белых куропаток совершенно разнится от таковой же охоты у нас. Там выводки как той, так и другой дичи, держатся в степной местности, вблизи хлебов и небольших колков (отъемников), и

эта, виденная мною в течение месяца работа Мод тем более заставляет поражаться, что охотившиеся с ней все время разъезжали по степи в экипаже и выходили из него только тогда, когда Мод находила выводок. Поиск этой собаки, хотя и не совсем правильный, был замечательно быстрый и широкий; ноле она брала всегда, прямо-таки, чудовищное.

Другая собака, отличавшаяся выносливостью, был лаверак, происходивший от моей Долли Джека Н. А. Шмотина и принадлежавший последнему. Он всегда сопровождал своему владельцу во время его верховых

поездок в тайгу на прииска и во всю дорогу, туда и обратно, носился из стороны в сторону, разыскивая дичь. А мой постоянный спутник в горах южного Алтая — ирландец Бульба разве не доказал свою изумительную выносливость, совершив вместе со мной путешествие приблизительно 700—800 километров во время моей поездки по р. Курчуму, все время работая без устали впереди моей верховой лошади?

Я не берусь решить окончательно, кто окажется выносливее пойнтер, английский сеттер или ирландец; но думаю, что, втянувшись в работу, при хорошем

здоровье и подходящей для работы местности, все эти три породы будут одинаково выносливы. К сожалению, не могу сказать того же про гордона, так как не видал из них очень выносливого.

Привязанность к хозяину.

Чувство привязанности к своему хозяину гораздо более присуще сеттеру, нежели пойнтеру.

Редкий сеттер, разве первоначальный только или же приученный к этому, пойдет с чужим на охоту; а пойнтер почти всякий, даже и многопольный, пойдет за чужим, раз только увидит, что он взял в руки ружье, и услышит, что его

позвали за собою. Если вам случалось приобретать собак не щенками, а уже взрослыми, то думаю, вы замечали, что раз это был пойнтер, он быстро привыкал к вам и скоро осваивался на новом месте, нисколько не думая о своем прежнем хозяине. Наоборот же, сеттер, приобретенный вами взрослым, почти не ест даже первые дни, прячется куда-либо в укромное место и довольно долго тоскует о своем прежнем хозяине. Насколько скоро пойнтер забывает своего прежнего хозяина, настолько долго сеттер помнит его. Мне не один раз случалось встречать моих сеттеров

через три-четыре года после того, как они поступали в другие руки, и эти замечательно привязчивые собаки всегда быстро узнавали меня и обнаруживали удивительную радость.

Жар и холод. Общее положение здесь будет таково: насколько легче пойнтер переносит жару, настолько же легче сеттер переносит холод.

В сильную полуденную жару как сеттер, так и пойнтер — оба неважные работники; да и кто из охотников не отдыхает в это время обыкновенно? Нужно быть очень жадным к дичи и вовсе не жалеть не только собаку, но и себя, чтобы,

взявши доброе утреннее поле, не отдохнуть самому и, не давая отдыха своей собаке, продолжать охоту в течение всего дня.

Говоря все это, я имею в виду только охоту по лесной и степной дичи; на болоте же, где ваша собака всегда имеет возможность напиться и выкупаться, даже и сеттер может работать в течение целого дня в жаркое время, не говоря уже о пойнтере, обладающем короткой шерстью. Другое дело холод: тут сеттер в работе всегда останется победителем. Можно, положим, и с пойнтером охотиться хотя бы далее в заморозки, но высыпкам отлетных и

пролетных бекасов и гаршнепов. Страсть не разбирает, и ваш пойнтер будет работать, несмотря на холод, но как кому, а мне всегда неприятно и жалко смотреть на дрожащую, скрюченную от холода фигуру пойнтера.

Считаю уместным сказать здесь, что сеттер не отказывается от какой бы то ни было работы в поле и верой и правдой служит своему хозяину; пойнтер же, при некоторых неблагоприятных для него видах охоты, положительно отказывается работать и начинает чистить шпоры. Так, например, но густым тернам наших южных степей за серыми

куропатками, по колючкам за фазанами или по густым камышам пойнтер вовсе не работник. Сеттер же, благодаря своему более прочному одеянию, работает здесь во всю, игнорируя всякие тернии и колючки, насколько это представляется возможным; тогда как пойнтер, сунувшись туда раза два-три и исколовши свою нежную шкуру, сконфуженно явится к своему хозяину и больше не пойдет, несмотря на все приказания и увещания охотника.

Пойнтер-изнеженный и весьма неохотно переносит всякие лишения, так нередко встречающиеся на

охотах: сеттер же в этом отношении, привыкший ко всяким лишениям и закаленный настолько, что никакой холод, никакой дождь пополам со снегом, ни колючки там разные не производят на него ровно никакого впечатления и не препятствуют ему добросовестно делать свое дело.

Из всего сказанного я позволяю себе вывести следующее заключение: если вам приходится охотиться в жарком климате и по степной дичи, преимущественно, то берите пойнтера, и вы никогда не раскаетесь, он будет незаменимым для вас работником.

Если же климат в местности, где вы живете и охотитесь, умеренный, и охота у вас, по преимуществу, болотная и лесная, продолжающаяся до глубокой осени, то берите сеттера, и он будет служить вам верой и правдой, в любом месте охоты и при любых переменах погоды.

Понятно, не всякий охотник имеет время и возможность лично возиться со своей собакой, и многие из них, а в особенности охотники столиц и других больших центров, отдают своих собак на воспитание и в натаску какому-нибудь егерю, более или менее известному на этом поприще.

Поверьте мне, что никогда ваша собака не будет так хороша и не будет вполне вашим другом, раз только вы не сами воспитываете ее и даете ей первые уроки в поле. Ведь все эти дрессировщики и натаскиватели, какой бы славой они ни пользовались на этом поприще, прежде всего работают над нашей собакой за деньги, работают не на глазах у вас, и вся работа их сводится к тому, чтобы как-нибудь выработать у вашей собаки только более или менее прочную стойку, некоторое послушание и сдать ее поскорее вам, чтобы получить от вас, договоренное вознаграждение. Ну, станет ли такой

субъект развивать природные способности вашей собаки? Да если бы он и сумел и хотел сделать это, так у него не хватит на то времени. Натаска собак это его заработок, его хлеб насущный, и чем большее число собак наберет он “в выучку» на лето, тем и заработает больше.

При дрессировке и натаске подружейной собаки надо никогда не забывать, что ученик ваш все чувствует, если даже и не понимает еще всего основательно, и подвергается постоянно сильным душевным волнениям.

Вот что говорит известный охотник и любитель подружейной

собаки Гью Дэльзиель: «Собаки умеют рассуждать, они не только способны чувствовать любовь, благодарность, гнев, страх и пр., но и понимать похвалу, стыдиться, отличить шутку, насмешку и пр.»

Первоначальное воспитание щенка

Если мне приходится выбирать себе щенка из недавно появившегося на свет помета, то я обыкновенно оставляю себе щенка более крупного, насколько можно разобраться при этом, более или менее хорошо

сложенного, и чтобы он формами, даже, пожалуй, и окрасом, походил на мать. Вообще же, я не знаю (да вряд ли кто и знает) никаких данных, которыми можно было бы руководствоваться, хотя приблизительно, при выборе щенка из помета, а тем более определить будущую подружейную собаку. Щенки так сильно меняются, вырастая, что очень и очень нелегко остановиться на каком-либо из них даже через два-три месяца после рождения. Сплошь и рядом некрасивый, худой до безобразия, со сравнительно неважными формами щенков, вырастая, делается

положительно красавцем и, наоборот, из маленького красавца зачастую получается большой чуть не урод.

Лучше всего, понятно, хорошо знать производителей вашего щенка, и если они хороши по формам, да еще к тому же и недурные полевые работники, то почти наверное можно сказать, что все их достоинства, а равно и недостатки, перейдут, в той или другой силе, вашему питомцу.

Приобретайте себе щенка от хороших полевых собак известных кровей и поверьте мне, что вы никогда не будете раскаиваться в этом случае. Питомец ваш при

известном наблюдении за ним, сознательной и умелой дрессировке, а затем натаске, обладая чутьем, этим главнейшим из достоинств подружейной собаки, всегда оправдает ваши надежды и даст вам не мало наслаждений в ваших будущих с ним охотах.

Но вот вы, положим, приобрели себе щенка той или иной породы от известных кровных собак и явились с ним домой. Попробуем же, насколько это является возможным, проследить первое время жизни вашего питомца, первые проблески его, более или менее сознательного существования, т. е., говоря иначе, первые

проявления его будущего ума и сообразительности.

Прежде всего, пожалуйста, не отдавайте вашего питомца в чужие руки на воспитание, а тем более не отправляйте его жить на кухню. Кухонные запахи постепенно убьют его природное чутье, а дурные поступки и привычки на кухне сделают из щенка добротного подворотника, а никак не хорошую подружейную собаку — будущего вашего друга и помощника.

Всегда выйдет неизмеримо лучшая собака, если вы, ее владелец, чуть ли не с первых дней ее более или менее сознательной жизни

вырастите и воспитаете ее при себе. Никогда не надо забывать, что чем чаще вы видите вашу собаку, чем чаще вы занимаетесь, хотя бы и играя только с нею, тем больше она привыкнет к вам, привяжется, узнает ваш характер, как равно и вы ее, а значит и даст более шансов быть послушным учеником вашим и, рано или поздно, стать для вас незаменимой подружейной собакой. Это — правило, и исключений здесь почти никогда не бывает.

Приготовьте прежде всего постельку для вашего питомца. Лучшей постелью как для более или менее взрослой собаки, так и для

щенка, я считаю деревянную раму, утвержденную на четырех невысоких ножках и обтянутую прочной парусиной. Лучшим материалом для такой постели служит хорошо выделанная кожа; она прочней всякого другого материала, но имеет те недостатки, что дорога сравнительно, а значит и не может быть часто сменяема, да и кроме того, имеет свой, не особенно приятный запах, как бы она хорошо ни была выделана, который, как мне кажется, может в большей или меньшей степени влиять на чутье собаки. Имейте лучше два парусиновых куска, и их надолго

хватит; да, притом, они могут быть постоянно стираемы, а значит и чисты, что безусловно полезно в гигиеническом отношении для собаки.

Постель для нашего питомца поставьте в какое-либо удобное для вас и для щенка место вашей комнаты и постарайтесь, хотя и в первое время, возможно избегать переставлять ее с одного места на другое. Эта постель приучает его знать свое место и не слоняться без толку из угла в угол. Раз щенок уже знает свое место-постель, это уже есть огромная основа его будущего воспитания.

Послушание — главный фактор как дрессировки, так и натаски подружейной собаки, и раз вы приучили вашу собаку к послушанию с самого раннего возраста, раз она сознала, что безусловно должна слушаться малейшего вашего приказания, тогда вы счастливый охотник: с такой собакой вы сделаете все, что вам угодно, и во время первоначальной дрессировки ее и затем в поле.

К постели вашего щенка должна быть прикреплена цепочка, отнюдь не толстая и тяжелая: еще лучше, если эта цепочка прикреплена не к постели, а к стене так, чтобы собака,

посаженная на нее, не могла бы в ней запутаться. Цепочка эта должна играть тоже немаловажную роль в первоначальных уроках вашего воспитанника: это орудие наказания для него за непослушание или какой-нибудь другой нежелательный для вас поступок. Я нисколько не ошибусь, если скажу, что при сознательном применении цепочки, как наказания, ученик ваш будет бояться ее и не любить так же, как и плеть и парфорс дальше.

Помните всегда, раз вы взялись за это дело, что собака умное животное, способное чувствовать лишение, и вы убедитесь, что

цепочка эта играет немалую роль в воспитании вашего питомца. Провинился ваш ученик в чем-либо, вы поругайте его, стараясь говорить серьезно, и посадите на цепочку; проделайте это раз, другой, третий, и вы убедитесь, что эта цепочка даст вам полную возможность, скорее даже, чем удары плети, исправить недостатки щенка. Лишенный возможности бегать и резвиться на свободе, воспитанник ваш, посаженный на цепочку, очень скоро поймет, что дело неладно, что он сделал что-то предосудительное, за что вы и лишили его на время свободы; поймет, а значит, желая

возможно больше пользоваться этой дорогой для него свободой, и не повторит в другой раз своего поступка.

Итак, прежде всего приучите вашего воспитанника знать свою постель, свое место. Для этого возможно строже крикните ему: «На место!...», и если он не слушает вас, то возьмите его легонько за шиворот и оттащите на постель. Понятно, сразу щенок никак не сможет понять, что вы от него требуете, и сходит с постели; тогда попробуйте, повторяя опять «на место!», хлестнуть его плетью; если же и это не подействует, и щенок все еще будет

упорствовать и не уляжется, тогда, хлестнувши его еще раз, посадите на цепочку. Помните только одно, что от щепка никак нельзя сразу требовать многого и как при первоначальной, так и при последующей дрессировке, ни в коем случае не следует надоедать ему очень частыми и утомительными упражнениями. Настойчивость необходима, но надоедливость ни к чему не ведет, и ею вы рискуете в конце испортить вашего воспитанника.

Лучше, при возможности, дрессируя и потом натаскивая собаку, постараться совсем не

употреблять плети; по раз является необходимость в этом наказании, то ударьте как следует, чтобы собаке действительно было больно, а не мажьте ее плетью как-нибудь. Наказывая же вашу собаку без толку и часто, вы сделаете то, что она перестанет далее бояться плети и окончательно отобьется у вас от рук. Надо помнить, что чем реже вы награждаете вашу собаку ударами плети, тем больше она боится ее, и наоборот. Изредка наказываемая собака даже вида плети боится, а не то что ударов ее. Надо, чтобы ученик ваш не только боялся вас, но и любил бы, относясь с доверием и

уважением ко всем вашим требованиям.

Затем, постепенно, вы должны приучить вашего щенка проситься на улицу и не пакостить в комнатах. Пользуйтесь тем, что ни один щенок никогда не станет пачкать своей постели, а всегда слезет и отойдет от нее и сторону. Наблюдая за щенком, почти всегда можно отметить это и вывести его на улицу. Не бойтесь, если на дворе стоит даже и холодная зима; неособенно долгое пребывание на воздухе не может повредить щенку, будет ли он сеттер или пойнтер — безразлично. Если щенок напакостит в комнате, то пошлепайте

его у этого места и сейчас же отправьте на улицу повторенное несколько раз такое наказание понудит его проситься.

Когда, ваш питомец знает уже свое место и просится. На первое время больше от него ничего и не требуется. Еще раз повторяю: вы не должны надоедать вашему воспитаннику постоянными и долгими уроками. Приступайте к новому уроку только тогда, когда он не только хорошо исполняет то, что он уже знает, по вашему приказанию, а исполняет все это положительно безукоризненно. Вот, когда вы достигнете этой положительной

безукоризненности в исполнении щенком наших приказаний, тогда смело идите дальше по пути его дрессировки, повторяя уже пройденное.

Давайте вообще больше свободы и воли щенку: позволяйте ему играть и резвиться сколько угодно; это необходимые условия для развития его роста и укрепления мускулатуры.

Необходимо возможно чаще водить щенка на прогулки куда-нибудь в поле, выбирая для этого такое место, где вы ни в каком случае не рискуете встретить какой-либо из видов дичи. Дичь еще рано видеть вашему воспитаннику; он увидит ее

только тогда, когда совершенно и безукоризненно закончит курс подготовительной для его будущей полевой работы дрессировки.

Чем чаще вы будете гулять со щенком, тем это будет полезнее. Будет положительно хорошо, если вы поставите себе за правило **ежедневно в определенный час** водить гулять вашего питомца. Не утомляйте его сильно во время прогулки, но позволяйте ему здесь бегать и резвиться сколько угодно. Можете постепенно увеличивать время и расстояние прогулки, это разовьет его ноги и легкие.

Нигде так, как во время этих прогулок, вы не узнаете точно характер и наклонности вашего воспитанника. Как кто, а что касается меня лично, то я гораздо больше бываю доволен, если во время этих прогулок мой ученик обнаружит, что у него смелый и решительный характер. Я знаю, что мне несколько труднее будет дрессировать и натаскивать такого щенка, но я всегда предпочту его щенку трусливому и нерешительному. Я даже сам во время таких прогулок играю и бегаю со щенком, поощряя его всевозможными способами к тому

же и постоянно меняя направления, так как хорошо знаю, что этим я развиваю более или менее природный поиск.

Не огорчайтесь, если ваш воспитанник увлечется попавшимися ему на пути птичками и начнет гонять их преисправным образом. Не следует, конечно, поощрять этого, но и не надо никогда останавливать его, а тем более наказывать за это. Гораздо хуже, если ваш питомец не будет обращать ровно никакого внимания на птичек; это хуже для вас, потому что такой щенок сравнительно туго будет приниматься за работу в будущем. Уверяю вас, что

если ваш ученик с азартом гоняется за птичками, и если вы дадите ему в этом полную волю, то вы увидите на этой же прогулке первые намеки на потяжку и стойку вашего питомца. Он будет гоняться за птичками только до тех пор, пока не устанет, а затем он начнет тихо подкрадываться к пичужке (потяжка) и приостанавливаться (стойка), прежде чем кинуться ловить ее.

Повторяю: давайте больше воли и свободы вашему воспитаннику в первое время, и вы никогда не раскаетесь. Приобретайте любовь будущего друга-помощника, добейтесь того, чтобы он слепо

верил вам и относился к вам с уважением, и много, много счастливых минут на охоте даст он вам в будущем.

Предметы, употребляемые при дрессировке и натаске подружейной легавой

Считаю не лишним сообщить о тех предметах, которые мною употребляются при дрессировке и натаске подружейных собак. Безусловно необходимы: ошейник,

плеть, свисток и лакомства (кусочки) для собаки; и необязательны парфорс, чок-корда и прикол.

Опишу каждый из этих предметов в отдельности, и именно тот вид, какой я нахожу целесообразным.

Ошейник. Какой именно ошейник вы хотите, чтобы носила ваша собака, это дело, понятно, нашего личного вкуса; но, по-моему, все вообще ошейники, продаваемые в наших оружейных магазинах, как бы они ценны и красивы не были, — никуда не годятся. Большинство из них, благодаря металлическому набору, тяжелы, обременяют собаку,

а во время дрессировки и во время полевой работы — безусловно мешают ей.

Лучшим ошейником является простой, неширокий, тонкий ремень, снабженный пряжкой и с пришитым к нему кольцом для притягивания собаки к цепи или к чок-корде. Очень недурны так же так называемые круглые кожаные же ошейники.

Всякая собака очень часто привыкает к ошейнику. Сначала, с непривычки ошейник беспокоит ее, и она пробуют даже снять его, мотает головой, царапает лапой, но не

пройдет и одного дня, как она освоится.

Плеть. Плеть не должна быть длинна. К рукоятке плети должен быть прикреплен карабинчик для того, чтобы вы имели возможность носить ее пристегнутой к поясу. Не лишнее приделывать к плети петлю на тот случай, чтобы можно было быстро накинуть ее на руку при выстреле.

Свисток. Чем звучнее и резче, тем лучше. Я всегда заказываю двухсторонний свисток, с одной стороны очень резкий, с горошиной, на манер железнодорожного, а с другой, хотя и сильный же, но

тонкий, пронзительный, без горошины. На охоте я никогда, не крикну на собаку, а если и разговариваю с ней, то тихо. Свистки заменяют мне вполне всякие крики. По звуку более сильного свистка с горошиной собака возвращается к моим ногам, где бы она ни находилась на поиске; а по другому — более тихому она лишь останавливается и смотрит, какое направление для поиска я ей укажу рукою. Думаю, что это и удобно и практично.

Лакомства.

Лучшим лакомством служит швейцарский сыр, так как собаки его очень любят.

Однако, это не всякому охотнику доступно. Сыр может быть заменой кусочками хлеба. Этими кусочками вы должны постоянно награждать вашего ученика за послушание и удачное исполнение урока. Такими поощрениями вы приохочиваете собаку быстрее и с большим удовольствием исполнять все ваши приказания: она отлично и скоро поймет, что получит награду за исполнение приказания и охотно всегда исполнит его.

Парфорс. Парфорс, прежде всего, самая крутая мера; но раз является необходимость применить его к нашему ученику, то берите

парфорс самый строгий. Полумеры вообще никогда не исправят непослушания и упрямства.

Лучшим парфорсом я считаю довольно широкий, толстый ремень, с набитыми внутри гвоздями. Если эти гвозди слишком остры, то вы всегда можете затупить их на сколько нужно, а, при надобности, и заострить, их снова напильником.

Парфорс не должен ни в каком случае туго стягивать шею собаки, а лежать на ней свободно так, чтобы ученик ваш чувствовал уколы в том случае, если вы дернете сильно за чок-корду (веревку, привязанную к парфорсу).

Других парфорсов, а также и всевозможных удавок, употребляемых при дрессировке и натаске собак, я не признаю, да и вообще все эти приспособления считаю орудием пытки, а если и прибегаю к помощи описанного мною парфорса, то лишь в случае крайней необходимости.

Чок-корда. Чок-корда или сворка — длинная, метров до 15—20, тонкая веревка. Вережка должна быть проолифена, а лучше даже выкрашена масляной краской, иначе, в болоте, намокнув, она будет скручиваться и мешать поиску собаки.

Один конец чок-корды должен быть снабжен карабином для прикрепления ее к кольцу ошейника или парфорса, а другой — небольшой петелькой.

Прикол. Приколом называется небольшой деревянный или железный колышек с одним заостренным кольцом и с крючком, обращенным внутрь, с другой стороны. Этот прикол применяется для удержания собаки на месте, втыканием его в землю через петлю чок-корды.

Подготовительная дрессировка

Я не признаю никаких фокусов в дрессировке. Собаку готовят для охоты, а вовсе не для цирка, так для чего же вы будете забивать ей голову всевозможными штуками , вроде прыгания через палку, в обруч, стоянию на задних лапах и прочим премудростям, когда все это вам никогда не понадобится при работе вашего ученика в поле. Собака настолько разумное животное, что, при известной вашей настойчивости

и терпении, ее можно выучить всему, что вам угодно; но к чему это?

Необходимо помнить, что никогда не следует надоедать излишними и сильно утомительными уроками вашему ученику. Лучше бросить урок, не окончивши, и продолжать его после, чем настаивать на его продолжении, раз вы только заметили, что ваша собака устала, что ей, наконец, надоело исполнять ваши приказания и что ей порезвиться, побегать хочется. Ведь ваш воспитанник очень молод, добейтесь же от него постепенно, чтобы он охотно брал у вас уроки, и вы увидите, что с каждым днем он

будет исполнять охотнее и лучше поймет все ваши требования.

Я, обыкновенно, начинаю заниматься подготовительной дрессировкой с моими питомцами, когда им минет пять, шесть месяцев, но можно начинать и раньше. Все зависит, конечно, от того, насколько развита ваша собака, т. е., говоря иначе: насколько она способна понимать ваши требования. Если же вы со второго или третьего урока заметите, что ваш ученик еще не развит достаточно, то бросьте дрессировку, дайте ему еще на неделю-другую свободы, пусть себе она резвится и играет сколько угодно,

а затем попробуйте начинать уроки снова.

Не понимаю, почему большинство русских охотников употребляют при дрессировке подружейных собак всевозможные иностранные термины, а иногда даже перемешивают их так, что получается настоящее смешение ящиков. Неужели русский язык настолько беден, что в нем нельзя выбрать подходящих для дрессировки слов?

Далее я укажу приемы дрессировки, которые я считаю необходимыми и служащими подготовительными уроками для

будущей полевой натаски
подружейной собаки.

Выдержка над кормом и над кусочками и укладывание при подъеме руки

Еще с самого раннего детства, когда воспитываемый щенок уже привыкает есть в определенное время, я przygotowляю ему сваренное раньше кушанье и кормлю его всегда при себе. Когда вы кормите вашего питомца, вы можете очень легко и скоро приучить, что не трогать корма без вашего приказа и лежать или

стоять над ним до тех пор, пока вы разрешите ему начать обед или завтрак.

Я никогда не наставляю моего ученика стоять над кормом, к чему это? Ведь стойка есть природное качество всякой современной подружейной собаки, какой бы породы она ни была. Если бы даже впоследствии у вашей собаки, при достаточном чутье, и оказалась бы сравнительно короткая стойка по причуянной дичи, то во время ее натаски вы можете продлить ее стойку, сколько вам угодно, выдерживая вашего ученика над

дичью на сворке, или, в крайнем случае, на парфорсе.

Совершенно другое дело наставлять собаку лежать над кормом и не только не дотрагиваться до него без вашего позволения, но даже и не придвигаться к нему, хотя бы ползком. Лежанию собаки над кормом я придаю огромное значение: привыкая с самого раннего возраста ложиться по вашему приказанию и ложиться вблизи вкусного, так соблазнительно пахнущего блюда, ваш воспитанник, прежде всего, усваивает себе то правило, необходимое ему в дальнейшей его деятельности, что

без вашего приказании он не только не должен дотронуться до чего бы то ни было, но даже, уложенный вами, не имеет право без разрешения подняться с места. Повторяю, не бойтесь: стойка всегда появится своевременно у вашего питомца, и ваше дело будет только укрепить ее и продолжить по желанию. Добейтесь, прежде всего, чтобы щепок моментально ложился по вашему приказанию, даже просто падал бы, вернее сказать, раз только вы крикнули ему: «лежать», или еще лучше, не произнося ни слова, только лишь подняли руку.

Приучить к этому щенка очень не трудно; но только начинайте проделывать это с ним с возможно раннего возраста и не ленитесь повторять этот урок почаще, при всяком удобном случае, будет ли это в комнате, во дворе или во время прогулки. Имейте всегда в кармане коробку с лакомыми кусочками и никогда не скупитесь награждать ими собаку по заслугам.

Раз я замечаю, что мой воспитанник привык и привязался ко мне, привык уже к тому, что в такое-то, определенное время я сам кормлю его, я постепенно все дольше и дольше заставляю его лежать над

поставленным для него кормом. Не забудьте, что гораздо лучше кормить щенка всегда в одном определенном месте: вы этим достигнете чистоты в комнатах, да и щенок не будет растаскивать кусков по углам.

Итак вы приступаете к первому опыту приучения вашего воспитанника лежать над кормом. Пристегните к его ошейнику цепочку, а еще лучше короткую, легкую чоккорду, и ведите его в помещение, где вы его всегда кормите. Щенок, отлично зная куда вы его ведете, но немного удивленный тем обстоятельством, что он не сам бежит следом за вами, а вы его

ведете на сворке, будет все сильней и сильней рваться вперед, чем ближе вы будете подходить с ним к месту кормежки. Приостанавливайте его слегка, приговаривая «тише» и натягивая в то же время сворку, по отнюдь не дергая за нее. Это слово «тише» принесет вам не мало пользы при дальнейшем воспитании питомца и не раз сослужит вам службу во время натаски.

В первое время надо очень осторожно обращаться с щенком, сдерживая его словом «тише»; ни в каком случае не следует его хлестать при этом не только плетью, по даже и своркой, или же сильно держать за

последнюю. Вы легко можете запугать его этими строгими приемами, употребленным вами сразу, при первом же уроке.

При дальнейших уроках, когда щенок уже начинает понимать, что вы от него требуете, тогда смело, не боясь запугать его, вы можете прибегнуть и к плети, заставляя его не рваться вперед, а идти за вами или сбоку вас. Теперь же вы только слегка натягивайте сворку и не спеша подвигаетесь с вашим учеником к месту, где ему уже заранее приготовлен вами корм. Но вот вы дошли. Со всех ног, чуть не вырывая у вас из рук конец сворки, даже

приподнимаясь на задние лапы, кидается ваш ученик к замеченному им корму. Корм так соблазнительно пахнет и раздражает его обоняние, да к тому же ему и сеть так хочется. Вы медленно, не спеша, начинайте двигаться со щенком к корму. Ваш ученик еще сильнее, чем раньше, потянет вас к нему; опять-таки сдерживайте его, приговаривая «тише». По, когда щенок будет уже шагах в двух-трех от своего корма, остановитесь сразу и достаточно громко говоря ему уже другое слово, «лежать», натяните посильней сворку. Ваш ученик, конечно, не поймет, что вы от него хотите;

наоборот, он всеми силами будет стараться стащить вас с места и притянуть к корму. Не уступайте ему даже и полшага, а приговаривая «лежать» и не опуская сворки, а лишь перехватом рук приближаясь по ней к нему, подойдите к вашему ученику вплотную настолько, чтобы вы, нагнувшись, могли достать его рукой. Тогда, приговаривая все тоже «лежать», и также натягивая одной рукой сворку, другую руку положите ему на сипну и пригните его к полу, надавливая не особенно сильно, но все-таки так, чтобы он, несмотря на все свое нежелание, все же

принужден был улечься перед кормом.

Не обращайтесь первое время внимания на ту позу, в какой лежит ваш ученик (в большинстве все щенки опрокидываются на спину и лежат так в первое время); позу более красивую вы всегда выработаете со временем, когда он уже достаточно привыкнет ложиться по вашему приказанию; теперь же, как бы ни лег он, лишь бы лег. Всеми силами и способами будет стараться ваш воспитанник вырваться от вас, встать на ноги и кинуться к соблазняющему его корму. Держите его покрепче,

продолжая говорить «лежать», и не позволяя ему подвинуться вперед.

Вполне достаточно, если вы для первого урока продержите вашего питомца в такой позе две-три минуты. Время его лежания над кормом вы всегда сумеете удлинить впоследствии; но бойтесь, при первых уроках, переутомить его терпение, бойтесь надоесть вашему ученику слишком долгими уроками.

По вот когда краткий срок лежания вашего ученика над кормом окончился, примите с его, спины руку и, сказавши ему «вперед», все так же медленно ведите его к корму, ни в каком случае не ослабляя

сворки, а затем позвольте ему утолить голод.

Редкий щенок поймет сразу, что вы от него требуете на этом первом уроке; вернее, он останется положительно недовольным. Да и, помилуйте, как ему довольным быть, когда так есть хочется, так соблазнительно, перед самым носом, попахивает вкусное блюдо: а тут на тебе, ни с того, ни с сего привязали к ошейнику ненавистную веревку и держат его на ней, заставляя еще лежать вблизи корма.

Но зато после третьего, четвертого урока ваш ученик, наверное, поймет, чего вы от него

желаете, и это ваше условие уже не покажется ему более чем странным и так трудно исполнимым; он сознает, что раз он не проделает этого, раз позволит себе ослушаться или даже не сразу исполнит ваше приказание, он долго не получит вкусного блюда, не получит его до тех пор, пока отчетливо и правильно не проделает того, что вы от него требуете. После трех-четырех таких уроков ваш ученик сразу будет ложиться, лишь только услышит приказание.

Если же вам попался очень упорный щепок, тогда имейте при уроках плетку и, не стесняясь, хлестните его побольней, раз он

отказывается исполнить приказание. Я страшно люблю собак и мне всегда жалко наказывать их; мне очень тяжело, когда я наказываю своего воспитанника, но я знаю, что это наказание необходимо, и, скрипя сердце, наказываю, и наказываю больно. Что вы сделаете без плети с таким уродом, который отлично уже понимает чего вы от него требуете, знает слово «лежать» и лежал уже не раз, и вдруг ни с того, ни с сего, заупрямится, а когда вы прикажете ему лежать, над поставленным перед ним кормом, он будет стоять, не обращая никакого внимания на ваши приказания, повиливая хвостиком.

Тут я не стесняюсь и строго повторяю слово «лежать», отпущу ему один-два чувствительных удара плетью. Это всегда хорошо действует на упрямца и заставляет его подчиниться вашей воле.

Когда вы заметите, что ваш ученик уже настолько твердо знает слово «лежать», что даже и не посмеет послушаться вашего приказания, а охотно ложится сразу, не требуя больше нажатия ему на спину вашей руки и вообще отчетливо и охотно проделывает это, тогда попробуйте снять с него сворку и ведите его к корму без нее.

Ученик ваш, почувствовал, что он свободен, что вы больше не сдерживаете его своркой, быть может и кинется вперед к корму, но если и кинется, то все таки нерешительно как-то, помня предыдущие уроки. Тогда быстро поднимите вашу руку, вооруженную плотью, вверх и повелительно прикажите ему лежать. Я уверен, что ваш воспитанник сразу же вас послушает, если же нет, то придется снова взять на сворку и уже на ней проделать снова несколько раз старый урок.

Чем дальше продолжаются уроки, тем более продолжительное время вы можете заставлять лежать

перед кормом ученика. Заставляйте его ложиться возможно чаще не только над кормом, но и над кусочками, брошенными вами, и когда он уже безукоризненно начнет исполнять это, тогда переставайте понемногу говорить ему «лежать», а старайтесь, чтобы он ложился немедленно, раз только вы подняли руку, сначала с плетью, а затем и без нее. Увидите, что при вашей настойчивости и частом повторении уроков ученик очень быстро усвоит это и будет моментально ложиться, точно падая, как только вы поднимете вверх руку.

Какую именно руку правую или левую вы будете поднимать при уроках — безразлично. Некоторые советуют поднимать левую руку, объясняя это тем, что в правой удобней держать ружье во время охоты, и что вы, будто бы, в таком случае будете скорей готовы к выстрелу. Не знаю, как кто; но я, наоборот, желая уложить мою собаку, всегда поднимаю правую руку, а ружье держу в левой, и, несмотря на то, всегда бываю готов к выстрелу по любой птице, тем более, что без моего разрешения собака не смеет стронуть ее; мало того, я, собственно говоря, даже и не понимаю, зачем бы

я на **охоте** стал поднимать ту или другую руку, раз я охочусь с вполне натасканной собакой: она и без всякого подъема руки должна лечь, раз только вылетела птица; если же я желаю для чего-либо уложить ее на стойке, то я, подойдя к моей собаке, просто скажу ей: «лежать», т. к. для того, чтобы она могла видеть мою приподнятую руку, я должен зайти вперед ее или далеко сбоку, что не может быть желательным в виду того, что я могу без собаки вытоптать дичь, в особенности при разбредшемся выводке.

Упражняясь в этом уроке возможно чаще, при всяком удобном

случае и где бы то ни было, вы достигнете того, что ваш воспитанник уже без всяких кусочков будет моментально ложиться на землю, раз только вы подняли вверх руку или приказали ему «лежать».

Приучение к свистку

Приучить собаку идти к вам на свисток более чем легко; но этого недостаточно: надо приучить так, чтобы она бросала все, чем бы она ни была увлечена, моментально поворачивалась бы к вам и мчалась бы на ваш призыв.

В комнате или во дворе, где ничто уже не ново для вашего воспитанника, где он ко всему привык, присмотрелся, вы смело можете рассчитывать, что в один только урок он отлично узнает свисток, поймет его назначение и будет моментально являться к вам, раз вы только свистнете настолько громко, чтобы он слышал.

Возьмите с собою все ту же магическую коробочку с лакомыми кусочками, выпустите вашего питомца бегать во двор, сами присядьте где-либо и наблюдайте за ним. Вот он отбежал от вас на некоторое расстояние. Возьмите

свисток и свистните достаточно громко. Полное недоумение изобразится сразу и на физиономии и во всей фигуре вашего ученика; свист он услышит, но для чего он и откуда, собака сразу не поймет. Вы увидите, что он остановится после вашего свистка, повернется в вашу сторону и станет, довольно комично поворачивая голову то на одну, то на другую сторону, стараться разглядеть, узнать причину этого не слышанного им раньше звука. Тогда свистните еще раз и еще, даже так, чтобы дать ему возможность разобрать, что эти новые для него звуки несутся именно от вас, а не откуда-либо из другого

места. По большей части бывает так, что ученик ваш, заинтересованный этим свистом и сообразивши, откуда он происходит, побежит к вам; но побежит не со всех ног, как это он будет проделывать дальше, а пойдет к вам, точно по дичи поведет, осторожно переступая с ноги на ногу, как бы опасаясь даже чего-то.

Вот он приблизился к вам и остановился, не подходя особенно близко и все так же пристально разглядывая вас, опасаясь чего-то. Дайте ему кусочек лакомствами приласкайте, похвалив его. Теперь начало приучения вашего ученика идти на свисток уже сделано, и вы

увидите, что он, с каждым новым вашим свистком, все охотней и охотней, быстрее и быстрее, будет спешить к вам, зная, что вы зовете за получкой лакомства. Не скупитесь на эти лакомые кусочки и щедро расточайте ваши ласки ученику.

Сплошь и рядом случается и так, что позванная вами в первый раз на свисток собака, хотя и приостановится, услышавши непонятный для нее звук, посмотрит в вашу сторону, но не побежит к вам и по второму, по третьему свистку, а займется чем-либо другим, более ее интересующим. Тогда вам остается одно: свистнуть громко еще раз и

позвать ее к себе, называя по имени. Зовите настойчиво, но в тоже время скорее ласково, нежели строго. Ваш ученик, привыкший подходить к вам, когда вы зовете его к себе, называя по имени, и отлично помня, что ему раньше перепали почти всегда за это лакомые кусочки — охотно придет на наш зов. Тогда, свистнув еще раз, дайте ему в то же время кусочек, отнюдь не бросая его на землю, а с рук. Прodelайте этот пример несколько раз, и вам очень скоро не потребуется уже звать вашего ученика к себе, называя его кличку; одного вашего свистка будет достаточно, и он более чем охотно

будет бежать к вам, раз только услышит этот призывный свист, обещающий ему лакомство.

Если в вашей коробке с лакомствами вышли все кусочки, лучше прекратите урок призыва щенка на свисток; но никогда, в течении всего курса дрессировки, не обманывайте вашего питомца. Обманутый в своем ожидании и не получивший от вас за свое послушание лакомого для него кусочка, ваш воспитанник легко может перестать доверять вам, уже ни в каком случае не будет так охотно идти на свист, как раньше.

Я придаю огромное значение этой коробочке с лакомыми кусочками в моем кармане. Она всегда со мной, не только во время первоначальной дрессировки в комнате, на дворе и в поле, но и в то время, когда уже я начинаю стрелять дичь из-под стоек моего ученика. Я никогда не скуплюсь на награду и всегда щедро награждаю за послушание, за хорошую работу, а в особенности за малейшее проявление самостоятельного ума у собаки. Делайте так же, и я уверен, что вы не раз скажете мне спасибо.

Но вот ваша собака, после некоторого числа уроков, уже охотно

бросается к вам на ваш свисток, не требуя даже его повторения. Это она отлично проделывает как в комнате, так и во дворе; по вопросу: будет ли она так же охотно проделывать это и в поле? Могу поручиться, что в большинстве случаев нет, хотя на первое время. Повторяю, что как в комнатах, так и во дворе для нее нет ничего нового, незнакомого; она ко всему уже присмотрелась здесь, ко всему привыкла, и это все уже мало интересует ее.

Другое дело в поле: там все ново, чудесно, невидано для нее. Я уже не говорю о птичках разных, поющих не слыханные ею никогда

песни; но даже бабочки, жуки и прочие насекомые в первое время до того будут развлекать и интересовать вашего ученика, что, право, ему не до ваших призывных свистков. Он хотя и отлично будет сознавать, что вы его зовете к себе, что он должен непременно явиться к вам, за что и имеет получить лакомый кусочек, по все это поющее, порхающее, гудящее полевое царство, при совершенно новой для щенка обстановке настолько увлечет его, очарует, что он забудет на время и вас, и все ваши уроки. Эти птички щебечущие, бабочки, перепархивающие с цветка на цветок, одуряюще действуют на

вашего воспитанника, и он со всех ног кинется за ними, забывши все на свете. Помните, что щенок — тот же ребенок; помните, что он в первый раз только попал в поле, так как же ему не ошалеть здесь, не порезвиться среди шири полевой, на свободе, на воле... Простите же ему это первое непослушание, и не наказывайте его!

Я довольно успешно практикую в этом случае следующий прием: раз только я намечаю, что мой ученик слишком увлекся окружающей, новой для него обстановкой, я перестаю звать его к себе свистком, а выбираю какой-нибудь густой куст или вообще какое-нибудь довольно скрытое

место, закуриваю папиросу и преспокойно усаживаюсь. Я сижу себе, покуриваю и спокойно наблюдаю за моим питомцем, носящемся по полю за птичками и бабочками. Пусть он бегают, сколько ему угодно! Я уверен, что рано или поздно, а он вспомнит обо мне, хватится своего хозяина и, не видя его более, бросит без всякого внимания и бабочек, и птичек, и все окружающее, и со всех ног кинется разыскивать меня, боясь потеряться. Мне того только и нужно. Я не показываюсь ему, пусть он поищет подольше, пусть испугается, что он совсем потерял меня, пусть думает

даже, что я его бросил на произвол судьбы. Я не раз видывал, как некоторые из моих учеников, поносившись во все стороны и нигде не находя меня, садились среди поля и поднявши вверх голову, принимались выть самым заунывным образом.

Обыкновенно же я делаю так: давши достаточно времени щенку побегать во все стороны в розысках за мною и видя, что ему только меня одного нужно, видя его отчаяние, что он не может найти меня, я даю свисток, когда он находится на сравнительно недалеком от меня расстоянии. Дело понятное, что мой

ученик, услышавши столь знакомый и желанный для него в эту минуту свист, со всех ног бросается ко мне. Надо только видеть радость щенка, когда он, наконец, после долгих сравнительно поисков, находит своего хозяина! Он и на грудь к вам прыгает, и кружит вокруг вас, то прилегая, то подпрыгивая кверху, и повизгивает даже слегка от радости. Дайте ему сейчас же побольше лакомства и приласкайте его, отнюдь не наказывая за то, что он не послушался сначала вашего призывного свистка, и вы увидите, что в следующие разы боязнь потерять вас и первый урок, когда он

вас так долго разыскивал, настолько сильно действуют на вашего ученика, что, как бы он ни был увлечен щебечущими пташками или иным чем, он все бросит и устремится к вам, раз только до него донесется ваш призывный свист.

Хорошая эта мера; но она, к сожалению, не ко всем собакам применима в одинаковой степени. Попадают такие индивидуумы, которые нисколько не смущаются тем, что не видит вас более и не слышат вашего призывного свиста, а продолжают себе как ни в чем не бывало свою отчаянную гоньбу за

птичками и бабочками, носясь во все стороны по полю.

Такого щенка много трудней приучить бросать все и тотчас же являться на ваш свисток. Тут одно только можно посоветовать: предоставить полную свободу щенку гонять, где ему угодно, а самому вооружиться терпением, усесться где-либо под кустиком и ждать, пока ваш питомец настолько устанет, что сам направится и вашу сторону. Тогда, заметивши это, свистните несколько раз, и если вы увидите, что он после вашего свистка ускорит свой бег в вашу сторону, то свистните

еще раз, и когда он явится к вам, щедро наградите его лакомством.

Несколько лет тому назад я видел одного охотника, который натаскивал своего кровного пойнтера, и раз последний не явился к нему немедленно на свисток, то сей муж ловил его за шиворот и начинал изо всех сил лупить его плетью, не выпуская изо рта свистка и не переставал свистеть во все время этого истязания. Свистит и бьет, бьет и свистит. Картина получалась прямо-таки возмутительная; но воображаю, что вышло из этого несчастного пойнтера! Я думаю, это этот

прекрасный пойнтер, обладавший далеко недюжинными полевыми качествами, годен только на осину; можно наверное сказать, что не то что на свисток своего хозяина, а даже и к рукам близко вряд ли он подходит в поле, боясь лупцовки.

Грустно делается, когда подумаешь, сколько добрых, зачастую даже с выдающимися полевыми качествами подружейных собак загублено, только вследствие неопытности и нетерпения хозяев. Не мало еще у нас и в настоящее время таких охотников, которые, раз они заплатили за породного щенка хорошие деньги и вскормили его,

думают, что уже все сделано и, не дрессируя его почти, не натаскивая, берут прямо в охоту, требуя от него того, что можно требовать только от взрослой, совершенно поставленной собаки. Видел и я таких охотников не мало, и мне всегда не охотника жалко, кричащего до хрипоты в голосе на свою собаку, бьющего ее не на живот, а на смерть, а жаль собаку, ни за что пропадающую в неумелых руках.

Повторяю, что вы обязаны добиться от вашего питомца как бы то ни было, того, что раз только вы свистните, где бы он ни был и чем бы ни был занят, он должен

моментально бросить все и явиться к вам. Раз вы обладаете терпением, этим славным и более чем необходимым качеством при этом деле дрессировки, вы всегда, рано или поздно достигнете желаемого. Повторяйте ваши уроки призыва на свисток возможно чаще, не скупитесь на награду за послушание вашего ученика, и вы увидите, что труды ваши не пропадут даром, а принесут нам громадную пользу в будущем.

**Ходьба за ногой и посыл
вперед.**

Ходьба за ногой тоже один из необходимейших приемов первоначальной дрессировки собаки, столь полезной во время охоты.

Надо всегда помнить, что ваша собака не должна слоняться без толку и не должна обыскивать заведомо пустые места или же такие места, где вы не рассчитываете охотиться, а только проходите мимо них. Лишь по вашему приказанию ваша собака должна начинать свою работу; до этого же места, где вы желаете начать охоту, она обязательно должна идти у вас за ногой, даже и не помышляя выдвинуться вперед или отстать в

каком-либо месте. Это я считаю необходимым у каждой хорошо выдержанной подружейной собаки.

Возьмите собаку на свору и идите с ней куда-нибудь в такое место, где бы она не развлекалась ничем посторонним, и где бы ни вам, ни ей никто не мешал. Но вот, вы дошли до такого места. Возьмите в левую руку свору вашего питомца, а в правую — плеть и, говоря «назад» или «к ноге» безразлично, машите плетью вправо и влево, от себя так, чтобы ее размах приходился на уровне роста вашей собаки; машите только слегка, иначе вы ни за что, ни про что, рискуете ударить вашего

ученика. Ваш щенок сначала будет, с непривычки, порываться вперед, но получивши за это несколько легких, но все-таки, неприятных для него ударов плети и не желая подвергаться им более, поневоле будет идти позади вас на таком расстоянии, что ваши размахи плети не смогут достать его. Больше ничего и не требуется.

Перестаньте теперь размахивать плетью и посмотрите, что из этого выйдет. Не видя больше мелькающей перед глазами то с одной, то с другой стороны плети, ваш ученик, робко сначала, а потом все смелей и смелей, начинает выдвигаться

вперед. Вот он уже у ноги вашей, а вот и совсем вперед вылез, даже сворку в вашей левой руке натянул. Ударьте же его побольней плетью и, говоря «назад», повторите снова предыдущее. Поверьте, что достаточно двух-трех таких уроков, сопровождаемых ударами плети, чтобы ваш ученик, боясь наказания, не рискнул больше выдвигаться вперед, без вашего на то разрешения.

Когда ваш воспитанник настолько уже привыкнет идти за ногой, по вашему приказанию, на сворке, что будет исполнять это без плети, попробуйте повести его на такую прогулку уже без сворки, а с

одной лишь плетью: но сворку все-таки имейте при себе на всякий случай. Очень легко может случиться, что ваш ученик сначала и пойдет за ногой, как следует; но затем, не чувствуя больше, что его удерживают на сворке, улучит минуту и бросится вперед. Он ведь уже знает свисток; верните же его назад и, наградивши за послушание ударом плети, возьмите снова на сворку и снова проделайте с ним первый урок приучения идти за ногой; а затем опять пустите его идти на свободе.

Как бы ни был упрям и непослушен ваш ученик, вы, при

терпении с вашей стороны и настойчивости, всегда достигнете того, что по одному вашему приказанию: «назад» или «к ноге», он сразу будет идти за вами, как бы его ни тянуло и не соблазняло кинуться вперед.

Но вот, наконец, ваш ученик настолько уже твердо уяснил себе правило хождения за ногой, что даже и не пытается, при отсутствии всякой сворки и плети, выдвинуться хоть на шаг вперед. Но вы, пожалуйста, не успокаивайтесь на этом, а все-таки, регулярно, каждый день, прежде чем учить его чему-либо новому, повторяйте аккуратнейшим образом

все ранее пройденное и, раз вы замечаете то, что либо из пройденного он проделывает не особенно отчетливо, займитесь особенно этим и займитесь до тех пор, пока ваш питомец снова безукоризненно будет исполнять ваше требование.

Помните раз навсегда, что весь курс требуемой вами дрессировки от подружейной собаки вы должны повторять с ней, по возможности, каждый день, до самого первого выхода вашего в поле. Но и там, даже тогда, когда ваш ученик уже знает дичь, когда уже пойдет более или менее хорошо за ней, — следите за

ним неусыпно и постоянно и, опять-таки, раз вы заметите, что он слаб в чем-либо из пройденного, снова подучите его, оставив на время дальнейшее. Ведь я думаю, всякому охотнику приятно иметь безукоризненно дрессированную и натасканную подружейную собаку; а для того, чтобы иметь таковую, не надо лениться, а надо приложить много труда и терпения, за что вы и будете вознаграждены с лихвой со временем.

Приучить вашу собаку, по вашему приказанию бросаться вперед на поиск — чуть ли не самая легкая вещь во всем курсе

современной дрессировки. Стоит только, проведя ее известное расстояние за ногой, скомандовать ей «вперед» и указать ей рукой желаемое вами направление, как уже она, соскучившись идти за ногой достаточно продолжительное время и желая побегать и порезвиться, очень скоро поймет, что вы от нее требуете. Ваш ученик не заставит себя долго упрашивать, а со всех ног кинется вперед, что от него и требовалось.

Посылайте его почаще к ноге и снова вперед, каждый раз указывая ему рукой желаемое вами направление, и вы добьетесь от

вашего воспитанника того, что он, находясь даже сравнительно далеко от вас, будет искать в том направлении, куда вы укажете ему рукой, не говоря ни слова.

Развитие поиска

Развить поиск у вашего ученика можно и впоследствии, при его натаске; но раз он уже безукоризненно исполняет все ваши требования и до его натаски, т. е. до появления необходимой для этого дичи, у вас еще остается достаточно свободного времени, то всегда

следует предпочесть постараться
развить поиск вашей собаки раньше,
чем вы ее поведете по дичи. Я всегда
проделываю это, раз только имею
возможность к тому; а потому
благодаря уже развитому, более или
менее правильному поиску моего
ученика, мне бывает много легче
натаскивать его, так как я в данном
случае слежу уже только за работой
его по дичи, не заботясь более о
развитии его поиска, а значит, и не
делаю два дела за раз.

Лучшим поиском из всех данных
природой легавой собаке бесспорно
следует признать так называемый
поиск восьмеркой, а затем — «на

кругах»; но как тот, так и другой у современной подружейной собаки должен быть обязательно на карьере.

(Лучшим поиском в данное время считается поиск «челноком», при котором собака, пересекая направления хода охотника, движется влево и вправо на параллелях).

Красивее поиска карьером ничего не придумать, Не знаю как кто, а я просто не перевариваю всевозможных подружейных «ковырялок», пользовавшихся таким огромным авторитетом в доброе старое время. Но, кажется, любителей таких «ковырялок» все

меньше и меньше за последнее время. Наши русские, даже захолустные, охотники стали сознавать что «ковырялка» отжила уже свой век, что давно уже нет того обилия дичи, как было раньше; а значит и явилась необходимость в собаке с широким поиском, благодаря которому она могла бы скорее разыскать птицу, затаившуюся на сравнительно обширном пространстве.

Мне могут возразить на это, что собака с широким, дальним поиском никуда не будет годиться при охотах в лесу. Это не верно, скажу я. Моя собака всегда в моих руках, иначе это

не вполне выдрессированная и поставленная собака, и она должна, обязана всегда идти так на поиске, как я захочу. Разрешу я ей это она и за полкилометра у меня уйдет, не встретив на этом расстоянии дичи; а разрешу — будет искать в двадцати, тридцати шагах от меня. Если даже вы и не достигнете того, чтобы ваша собака всегда была на расстоянии, желаемом вами, то все-таки не огорчайтесь слишком и верьте мне, что ваша собака, уже по своей природе умное животное, да еще воспитанное вами к тому же, как должно, скоро сама поймет, что широкий поиск ни к чему ей в лесу, и

через несколько неудачных охот начнет работать у вас на глазах. Я знавал многих собак с очень широким поиском, которые, после нескольких охот в лесу без всякого понуждения к тому их владельцами, сами начинали искать на глазах.

Ведь, собственно говоря, охота в лесной чаще, у нас в России, только и бывает, что по глухариным да по вальдшнеповым выводкам да по переместившимся с чистины тетеревьям, да и то не всегда. И кто же из истых охотников, не жадный до дичи, полезет в чащу, положим, за переместившимся тетеревенком? Ведь, где есть достаточно

тетеривинных выводков, там вы всегда, в утреннее и вечернее поле, чаще всего найдете их на сенокосных лесных полянах или на более открытых ягодниках, по гарям, наконец, где стрельба и работа вашей собаки, но большей части, происходит почти что на чистом месте.

Быть может многие из охотников и не согласятся со мной в этом положении и не удовольствуются охотами по лесной дичи только в утреннее и вечернее поле, а будут охотиться и среди дня, в жару. Ну таким, раз им нравится, чтобы собака ходила под ногами, я могу

предложить одно, а именно: возможно задержать ее поиск и тем, по-моему, испортить окончательно одно из ее лучших природных дарований. Мне же и даром не нужно собаки с таким задержанным поиском: не количество убитой дичи нужно, а красота и мощная страстность поиска, картинная и стильная потяжка с карьера и, наконец, мертвая стойка моей собаки, а иначе я и охоту брошу.

Отправимся же теперь в поле с вашим воспитанником, уже прошедшим почти весь курс подготовительной дрессировки, и посмотрим, каков у него природный

поиск; а если понадобится, то еще попробуем развить его и направить в лучшую сторону.

До самого места, где вы рассчитываете подвергнуть пробе поиск вашего ученика, вы все время ведете его за ногой. Но вот, вы пришли на намеченное вами заранее место. Пустите же теперь искать вашего питомца. Понятно, что этот его поиск будет, как бы бестолковый поначалу: он еще не знает, что ему нужно искать, не знает дичи и будет носиться без толку во все стороны; но пока этого вполне достаточно для вас: вы уже свободно можете даже по

этой первой пробе определить, каков природный поиск у вашего ученика.

Если поиск моего воспитанника мне не нравится почему-либо: прямолинеен ли он сильно, бестолково ли кидался мой ученик, не отбегая далеко, из стороны в сторону, носится ли он лишь по одной стороне намеченного мною места, совершенно не обращал внимания на другую, то я всегда с успехом применяю следующий прием для развития его поиска в желаемом мною направлении. Я сам иду так, как желаю, чтобы моя собака шла на поиске, призывая ее к

себе свистком и указывая ей рукой желаемое мною направление.

Такие прогулки с моим учеником я совершаю ежедневно до тех пор, пока он не начнет искать так, как мне желательно, если даже я и шел бы, не сворачивая из стороны в сторону, а по прямому направлению. Эта желаемая вами манера поиска настолько укореняется у вашего питомца, что остается присущей ему потом на всю жизнь. Должен сказать, между прочим, что все современные подружейные легавые (понимаю только кровных пойнтеров и сеттеров) обыкновенно обладают таким превосходным природным

поиском, что обучать их ему почти не приходится.

Приучение к выстрелу

Приучить собаку к выстрелу приходится сравнительно не часто; обыкновенно большинство из них, не обладающие особенно робким характером, нисколько не боятся звука выстрела, а наоборот, даже скорее интересуются узнать причину этого звука.

На всякий случай, не зная еще заранее, будет ли мой ученик бояться выстрела или нет, я обыкновенно

делаю следующий опыт: прошу кого-либо выстрелить вдали от находящегося подле меня моего воспитанника, а сам ласкаю его в это время. Если я вижу, что этот отдаленный сравнительно звук выстрела не испугал мою собаку, а только лишь заинтересовал ее, я прошу выстрелить уже несколько ближе и в конце концов, уже подле моего ученика, все время лаская его или даже угощая его лакомыми кусочками.

Проба такая необходима, во всяком случае, хотя обыкновенно в большинстве, можно смело стрелять прямо из-под стойки вашей собаки,

раз она окончательно уже готова у вас. Страсть к розыску птицы, к самому ее запаху настолько велика у каждой современной легавой, что она почти и внимания не обратит на звук выстрела, а скорее более заинтересуется тем обстоятельством, что вместе с этим громким звуком, раздавшимся сзади нее, птица, которую она привыкла раньше видеть обыкновенно всегда улетающей, вдруг упала на землю.

На этом приучении к выстрелу я обыкновенно и заканчиваю первую часть подготовительной дрессировки. Если же у меня остается еще достаточно времени до

начала натаски моего воспитанника, и если я считаю его достаточно развитым, то я еще преподаю ему три приема, относящиеся тоже к подготовительной дрессировке, которые хотя и не являются безусловно необходимыми, но все-таки скорее принесут пользу, нежели повредят вашему питомцу.

Дополнительная дрессировка

К дополнительной дрессировке я отношу: отзыв от корма и от кусочков

на свисток и посыл обратно, приучение собаки к отысканию спрятанных кусочков и подача или поноска.

Отзыв от корма и от кусочков на свисток и посыл обратно

В обычное время, взявши с собой свисток и плетку, ведите вашего ученика, как и всегда, на кормежку, где он привык обедать с самого раннего его детства. Послушно идет за ногой ваш питомец, не смея выдвинуться вперед. Ему очень кушать хочется; но что же поделаешь:

приходится подчиняться
беспрекословно вашей воле. Он
знает, что посмей он только на одну
секунду в чем-либо не послушаться
вас, и ему придется тогда долго еще
ждать вкусного корма, и он, как на
пружинах, медленно выступает за
вами.

Вот вы вместе с следующим за
вами вашим учеником вошли в
комнату, где стоит приготовленный
ему корм. «Вперед!» — приказали вы
ему и сами останавливаетесь, как
всегда, при входе в комнату.
Медленно, точно подкрадываясь, ваш
ученик начинает приближаться к
корму, то и дело искоса поглядывая

на вас. Вот он уже почти что около корма и, не слыша от вас до сих пор обычного в этом случае приказания, не видя даже, чтобы вы, как всегда, подняли руку, он сам невольно приостанавливается у самого корма и пытливо, как бы спрашиваясь: «что же ты медлишь?» глядит на вас.

В этот момент вы поднимаете руку, т. е. поступаете так, как вы приучили раньше вашего ученика. Вы еще только начали поднимать вверх вашу руку, как уже он, приученный к этому приему в совершенстве, моментально, точно падая, ложится на пол. Дайте ему полежать достаточно времени, но не дольше,

чем вы заставляли его делать это раньше. Он лежит напряженно, то и дело взглядывая на вас и каждую секунду ожидая вашего разрешения приняться за вкусный обед.

Представьте же себе удивление вашего воспитанника, когда он, вместо обычного вашего разрешения приступить к обеду, которого он давно уже ждет с таким нетерпением, вдруг услышит ваш призывный, громкий свисток. Он отлично, не задерживаясь ни на секунду, всегда шел раньше на ваш свисток; но теперь совершенно другое дело: теперь свист этот призывный он слышит впервые при

таких обстоятельствах, при каких он раньше никогда не слышал его. Вы заметите некоторое колебание, нерешительность в вашем ученике: он и сам еще не может разобраться окончательно, как ему поступить в данном случае; с одной стороны, он привык уже к тому, что обыкновенно, после этого обычного уже для него лежания над кормом, вы ему всегда разрешали утолить свой голод, с другой же стороны, он отлично знает, что раз вы свистнули, он безусловно должен повиноваться вашему призыву и немедленно идти к вам.

Поверьте, что ваш ученик, на воспитание и обучение которого вы

потратили столько труда и времени, которого вы так любите и за которым так ухаживаете, всегда вернется к вам, услышав ваш свист. В редком случае, услышавши этот знакомый призывный свисток, он посмеет только чуть-чуть посунуться к корму и потребует от вас вторичного призыва. Обыкновенно же бывает так, что он встанет на ноги и подбежит к вам. Приласкайте его, дайте ему какой-нибудь лакомый кусочек и на первый раз разрешите ему, даже не укладывая его больше, прямо приступить к обеду. Дальше, когда этот отзыв на свисток от корма и посыл обратно достаточно

укоренятся в вашем ученике, можете проделать это и не один раз, а несколько, то отзывая его от корма свистком, то снова посылая его к нему и укладывая каждый раз около.

Проделывайте почаще то же самое во время ваших прогулок со своим воспитанником в поле над разбросанными вами лакомыми кусочками, и вы скоро достигнете со стороны вашего ученика полного совершенства в исполнении этого приема дрессировки.

Приучение собаки к отысканию спрятанных кусочков

Безусловно полезно, гуляя с вашим учеником в поле, разбросать незаметно для него лакомые кусочки и затем, зная где вы их бросили, заставить вашу собаку искать их в том направлении, стараясь завести ее к ним против ветра.

Послушно и красиво ищет ваш ученик, поминутно втягивая в себя воздух. Но вот вы заметили, что он причуял какой-либо из положенных вами кусочков и как бы замялся на своем поиске, приостановился на минуту. Но беда, что он еще не видит этого кусочка, а только слышит его запах. Прикажете ему лечь тотчас же, поднявши вверх вашу руку.

Вашему ученику очень хочется поскорее увидеть этот вкусный кусочек, запах которого он уже слышал; но он не смеет ослушаться вашего приказания и послушно ложится на землю. Прodelывайте здесь с ним то же самое, что вы уже не раз прodelывали перед кормом, т. е. отзовите его к себе на свисток, уложите у ног, приласкайте, снова пошлите вперед к кусочку, там опять уложите, разрешивши ему в конце — концов съесть этот вкусный кусочек.

Этот урок отзыва на свисток от корма и кусочков, наверное, в будущем не раз сослужит вам большую службу, когда вы будете

натаскивать вашего питомца и, наконец, начнете охотиться с ним.

Подача или поноска

Я противник приучения собаки к подаче; по некоторые охотники любят, чтобы их собаки подавали им убитую дичь; а иногда, при особых местных условиях охоты, подача является прямо-таки необходимой, поэтому я и постараюсь описать способ выучить собаку подавать убитую дичь.

Но прежде чем приступить к описанию этого способа, я считаю не

лишним объяснить те причины, благодаря которым, как я уже сказал, я избегаю приучать к подаче воспитываемых мною подружейных собак. Молодую первопольную собаку особенно опасно приучать подавать дичь: как бы хорошо она ни была выдержана у вас, как бы послушна ни была во время своей работы, но зная, что она обязана, хотя бы только по вашему приказанию, принести убитую вами дичь, она невольно начнет горячиться и, хотя и не будет бросаться вперед после вашего выстрела, но все-таки приподымется со своего места, а иногда даже и

посунется несколько вперед (собака должна моментально ложиться после вылета дичи и выстрела, о чем я и скажу своевременно). Надо всегда помнить, что с вами в поле не старая, опытная собака, а молодая, с которой вы только что начали охотиться, что в ней бушует страсть, хотя и обузданная отчасти вашими уроками, а потому и следует стараться всеми силами если и не побороть, то сдерживать эту страсть у вашего питомца, но никак не поощрять ее, заставляя подавать убитую вами птицу. Ведь небольшой же для вас труд нагнута и поднять самому убитую дичь в то время, когда ваша

собака найдет ее и, по вашему приказанию, уляжется около нее.

Так для чего же я сознательно буду горячить, буду портить моего воспитанника, когда я столько времени и труда уже потратил на его правильную постановку?...

Позволю себе привести еще пример того, почему я считаю подачу безусловно вредной в большинстве случаев, в особенности для молодой, малоопытной собаки, да и невыгодной даже для охотника в смысле количества добытой дичи.

Вы охотитесь с вашей молодой собакой, положим, по тетеревиным выводкам. Вот ваша собака

приостановилась на своем быстром поиске и, прихватывая, тихо пошла сначала в одну, а потом и в другую сторону; ясно, что она наткнулась на наброды выводка, и недалеко он должен быть. Да, вы не ошиблись: ваша собака перестала искать то в одной, то в другой стороне, разбирая наброды и, как по ниточке повела прямо к выводку. Вам незачем сдерживать ее; вы отлично знаете вашего воспитанника, знаете, что, несмотря на энергичную, полную страсти подводу, он никогда не сорвет птицы. Вы уже знаете чутье его и знаете крепкую стойку. Вы, не

спеша, подвигаетесь за ведущей собакой.

Пора и стрелять; вы уже достаточно продержали на стойке вашего ученика. Вы приказываете ему подать птицу. С квохтаньем, летя, точно подстреленная, над самой травой, порывается тетеревиная матка. Вы спокойны совершенно: вы уверены, что ученик ваш даже и не подумает кинуться за ней вдогонку, не в первый раз уже видит он ее. И действительно: лишь только порвалась тетерка, как наш питомец тотчас же прилег на землю. Вы снова радуетесь его выдержке, его послушанию, сознавая, что труды

ваши не пропали даром. Ну, теперь за дело: снова посылаете вы его вперед. Тяжело поднимается уже взматеревший, в черном перететеревенок; ваш ученик ложится снова. Вы вскидываете ружье, стреляете, и тетеревенок комочком валится на землю.

Теперь, как поступаете вы дальше, раз ваша собака приучена к подаче? Вы отлично знаете, что не один только тетеревенок в выводке, еще не одного вы найдете и можете пострелять вволюшку, тем более, что весь выводок, по видимому, разбрелся на кормежки. Но ведь ваш ученик привык уже сейчас же после

выстрела бросаться к убитой дичи и подавать вам ее; страсть к подаче развилась в нем уже настолько сильно, что он, пожалуй, все свое внимание обратит только на убитую вами птицу; она в это время все для него, она составляет главную цель его страсти, все его желание в эти минуты, и он успокоиться не может, не может забыть эту убитую вами птицу, пока он не принесет ее вам. Вы и рады бы теперь, пожалуй, если бы ваша собака забыла убитого тетеревенка и принялась бы разыскивать остальных. Ведь он никуда же не денется этот убитый вами тетеребенок. Положим, вы все

силы употребите на то, чтобы ваш ученик не шел к убитой птице, а разыскивал новую; положим, что вы даже достигнете этого; но за то вы увидите очень и очень печальную картину и не получите ровно никакого удовольствия от вашей дальнейшей охоты. Вы не поймете даже сначала, что случилось вдруг с вашим послушным, таким чуткистым воспитанником; вы увидите, что впереди его или сбоку, без всякой потяжки и стойки, начнут порываться тетеревята, увидите, что, несмотря на ваше грозное приказание искать именно здесь, на месте пребывания запавшего

выводка, вашего ученика все будет тянуть в ту сторону, где упал убитый вами тетеревенок, он поминутно будет приостанавливаться и поглядывать в ту сторону... Одним словом, вместо удовольствия, вы получите полное неудовольствие.

Еще туда-сюда, если вам удастся удержать вашего ученика от его желания кинуться к убитой вами дичи; обыкновенно но большей части бывает так, что питомец ваш, весь обуреваемый страстью к подаче, не дожидаясь даже на то вашего позволения, кинется к убитой вами птице и но пути легко может стронуть весь, скученный по чему-

либо, выводок. Положим, что он не кинется даже за поднявшимся выводком, и вы успеете выпустить два заряда и свалить пару; но разве это охота спрошу я вас?

Я тоже **впоследствии** приучаю почти каждого моего ученика к подаче; но только к подаче с воды, но ни в коем случае не с сухого места. Подача с воды необходима; бывает сплошь и рядом, что бекас или дупель, убитый вами, падает на воду (не говорю уже о случаях, когда налетают утки, которых я, кстати сказать, никогда не стреляю, раз охочусь с первопольной собакой); не пропадать же ему там; зачем и

стрелять его тогда? Вот в таких-то случаях я и заставляю моего питомца плыть за убитой дичью и вынести ее на берег.

Приучить молодую собаку доставать из воды убитую дичь очень нетрудно, как нетрудно и вообще приучить ее ко всякой подаче. Стоит только для этого, с возможно раннего возраста, приучить ее не бояться воды прежде всего; для этого нужно выбрать теплый летний день, взять с собой все ту же коробочку с лакомыми для вашей собаки кусочками и идти к реке или пруду. Для первого урока выберите такое место на реке, озере или пруду, где

бы было неглубоко, и ваш ученик, не всплывая, мог бы отходить по воде достаточное от берега расстояние. Присядьте в таком месте на берегу, подзовите к себе вашего ученика и, приласкавши его, дайте ему лакомый кусочек. Съест ваш питомец этот кусочек и, умильно облизываясь, начнет поглядывать то на вас, то на коробку с кусочками в ваших руках; ему еще хочется получить вкусный кусочек. Исполните же это его желание; достаньте из коробки еще один кусочек, но не давайте его ему, а, давши только понюхать, бросьте его на воду, не далеко от берега, приблизительно метрах в 1,5—2.

Вы сейчас увидите довольно интересную картину: сначала ваш ученик кинется за брошенным вами вкусным кусочком, но, добравшись до воды, остановится: он еще не знает воды и боится ее. Посылайте же его вперед возможно ласковей и вы увидите, как он, попробовав сначала глубину, осторожно поставит в воду только одни передние лапы; затем, видя, что тут не глубоко, осмелится и, все же еще осторожно, доберется до кусочка и, вынеся его на берег, с аппетитом скушает.

Похвалите вашего ученика и приласкайте его. В тот же урок вы увидите, что несмотря на то, что вы с

каждым разом будете бросать кусочки все дальше и дальше от берега, ваш ученик, уже не робея, со всех ног будет бросаться в воду за ними. Во второй урок можете бросать эти кусочки уже и на глубокое место, и вы увидите, что ваш питомец поплывет за ними, сначала, но большей части, неумело, болтая но воде передними лапами, а затем все лучше и лучше.

Когда ваш ученик уже хорошо будет доставать кусочки даже и с глубокого места., тогда перейдите к поноске, бросая ее также сначала на более мелком месте и награждая его

каждый раз лакомством, как только он вынесет на берег поноску.

Вообще подача очень легко дается каждой подружейной легавой; но мой совет, повторяю, учить ее подавать только с воды, не позволяя ни в каком случае проделывать то же на сухом месте.

Положительно не понимаю, чем объяснить такое явление; но сколько я ни видывал подружейных собак, подающих только по приказанию хозяина, а раньше не смеющих даже стронуться с места, все они рано или поздно начинали кидаться после выстрела к упавшей птице и, в конце

концов, под старость мяли подаваемую ими дичь.

Право же, подача убитой на сухом месте дичи совсем не необходима в курсе дрессировки вашего воспитанника, а потому и не станем обучать его этой ни к чему не нужной подаче.

Натаска по дичи

Теперь перехожу к тому, что считаю самым главным во всем курсе обучения молодой собаки, а именно, к натаске по дичи.

Здесь во время натаски по дичи вам мало чему придется учить уже подготовленную к ней вполне молодую собаку; здесь надо только следить за ней, не переставая, необходимо не пропускать без внимания ни одного неверного ее шага и всеми силами стараться развить в лучшую сторону чудные природные достоинства вашего воспитанника.

Никогда не забывайте, что один неверный шаг ваш в деле натаски подружейной собаки может надолго, если не навсегда, окончательно испортить ее; а поэтому и следите за ней, следите, не переставая, ни в

каком случае не пропуская без внимания ничего вами нежелаемого, ни одной даже самой незначительной ошибки вашего питомца.

Лучшим временем для натаски собаки я считаю время с конца мая и до половины июля месяца (новый ст.). Прежде всего в это время нет никакой охоты, и оно является совершенно свободным для охотника; мало того, это время еще важно и в том отношении, что, натаскивая вашего ученика, вы не рискуете встретиться на выбранном вами для натаски месте с каким-либо охотником, который, мало того, что

перебьет и разгонит разысканную вами зачастую с большим трудом дичь, но еще своими выстрелами будет развлекать и волновать вашу молодую, пока еще совершенно неопытную собаку.

Натаскивать собаку обязательно нужно одному. Ваш питомец вырос у вас на руках, привык уже к вам, привык к вашей дрессировке, полюбил вас, знает вас только одного, и всякий посторонний человек, хотя бы и находящийся вдали от него, будет так или иначе развлекать его и мешать ему всецело отдаться наслаждению первого поля и сознательно работать здесь. В

крайнем случае, иногда приходится брать с собой помощника, когда надо исправить какой-либо недостаток у вашей молодой собаки, и вы сознаете, что вам не справиться с ней одному, но это случается очень редко и, повторяю, только в крайнем случае.

Лишь только трава на болоте поднялась на столько, что птица свободно может спрятаться в ней, как начинается лучшее время для натаски молодой собаки. Это бывает в разное время, то раньше, то позже, смотря по местности где вы живете; по обыкновению в конце мая почти повсеместно трава на лугах и

болотинах вырастает уже настолько, что птица начинает прятаться и высиживать молодых, а значит вы и можете смело приступить к натаске вашей молодой собаки.

Лучшей птицей для натаски молодой собаки бесспорно надо признать дупеля, Эта дичь не отбегает далеко, заслышавши ведущую по ней собаку и шаги человека, очень скоро затаивается где-либо под кочкой, дает на своем следу достаточно запаха и, затаившись сидит настолько крепко, что всегда, даже совершенно неопытная собака, причуявшая ее, в очень редких случаях может стронуть

прежде, чем остановится над ней на стойке. Мало того, дупель живет и кормится, в большинстве, по потным луговинам и нетопким, маловодным болотинам, лишь кое-где поросшим небольшими кустиками, т. — е., почти на совершенно открытых местах, где вы, не спуская глаз, можете всегда удобно следить за работой вашего ученика; да и самая ходьба за розыском этой дичи по такому месту как для вас, так и для вашего ученика, не может представлять из себя ничего затруднительного.

Раз в местности, где вы живете, найдется хотя только пара, другая

дупелей, послушайте моего совета и натаскивайте вашего воспитанника по ним именно, а не по какой-либо другой дичи, и вы никогда в том не раскаетесь.

Большое количество дичи скорее даже принесет вред, нежели пользу, при первоначальной натаске вашего ученика: вполне достаточно, если в известном районе у вас есть два-три пары дупелей. Ведь дупель никуда не улетит, а только, согнанный, будет перемещаться с места на место. По такому количеству дупелей ваш ученик всегда с успехом в один урок может проделать от десятка до двух стоек, а это вполне достаточно на

первое время. Совершенно другое дело, когда он уже начнет работать более или менее хорошо; тогда всеми силами старайтесь показать ему побольше дичи; это необходимо ему для практики, для возможно лучшей постановки его в работе.

Там, где дупеля совершенно отсутствуют, можно начать натаску молодой собаки и по перепелам. Это следующая птица после дупеля, по которой, за полным отсутствием последнего, можно с успехом начать натаску молодой собаки. Перепелка не дупель: она хотя и сидит крепко и вполне выдерживает стойку, но, живя на совершенно сухом месте (иногда с

весны держится и по лугам), дает меньше запаху, нежели дупель, и бежит очень быстро и далеко сравнительно. Там, где перепела в начале лета держатся по луговым местам, все-таки лучше и легче натаскивать по ним вашего ученика. Попробуйте поведи вашего воспитанника по перепелам сначала по лугу, а потом по степи, и вы увидите, что в первом случае он гораздо лучше будет слышать эту дичь, нежели во втором. Присутствие влажности в почве, где работает ваша молодая собака, имеет громадное значение для ее чутья, да и для самой работы. Как хотите, а ей много легче

работать там, где поблизости есть вода: она и напиться всегда может, да и искупается в случае сильного жара, столь обычного у нас в половине июня и в июле месяце.

Быть может со мной и не согласятся многие охотники, но я никогда не позволю себе натаскивать мою молодую собаку по лесной дичи, не натаскавши ее предварительно по болоту. Мое мнение, которое я считаю за неоспоримую истину, то, что подружейная собака, натасканная сначала по болоту, всегда более или менее хорошо пойдет по лесной дичи, и совершенно наоборот,

большинство собак, за редкими исключениями, натаस्कанные по лесной дичи, или совсем не идут по болоту или идут из рук вон плохо. Чем объяснить это явление, я не знаю, но ручаюсь вам, что это так.

Не мало приходилось мне в жизни мучиться с собаками, натаस्कанными исключительно по лесной дичи, прежде чем я мог принудить их, хотя мало-мальски сносно, идти по дупелям и бекасам. Сначала я думал, что здесь на собаку, на ее желание работать по болоту, а если и работать, то далеко не охотно, имеет большое значение присутствие воды; но теперь я окончательно

убедился, что я жестоко ошибался в этом случае: все такие собаки более чем охотно идут по воде в жаркое время, но все-таки из рук вон плохо работают по болотной дичи. Так что я до сих пор еще не знаю хотя какого-нибудь подходящего объяснения этого явления.

Совершенно другое дело, если наша собака натаскана по болоту сначала. В этом случае вы смело можете вести ее в лес и быть вполне уверенным, что если она сразу и не пойдет так хорошо по лесной дичи, как уже идет по болотной, то все-таки поедет, пойдет также страстно, с тем же желанием и энергией будет

разыскивать лесную дичь, как и болотную, и вам останется только постараться направлять ее работу в лучшую сторону, усовершенствовать ее, чтобы получить подруженную собаку, одинаково превосходно работающую как по болотной, так и по лесной дичи.

Что касается меня, то я признаю натаску молодой собаки только без ружья. Я никогда не позволю себе взять и руки ружье до тех пор, пока моя собака не будет совершенно натаскана, пока я не буду уверен, что она ничего не может сделать против моего желания. Много роскошных охот потерял я в своей жизни,

натаскивая моих молодых собак и не рискуя стрелять из-под них до полной и возможно совершенной их постановки: но я нисколько не каюсь в этом: я всегда с лихвой вознаграждал себя впоследствии и охотился с такими чудными подружейными работниками, подобных которым от души желаю иметь всем истым охотникам.

Согласитесь сами, что трудно делать два дела зараз. А не приходится ли вам делать это раз вы и натаскиваете собаку и стреляете из-под нее в то же время. Прежде всего я не заведенная машина, а такой же страстный и увлекающийся

человек, как и всякий другой истый охотник; для меня так же, как и для него, дорог звук вылета дупеля, дорог выстрел по нему, и я невольно могу увлечься, хотя бы и на одну минуту, и весь упоенный охотой могу забыть, упустить из виду работу моей молодой собаки. Для чего же я буду делать это, для чего я сознательно буду портить своего лучшего друга и первого помощника в той моей страсти, в той моей безграничной любви к природе и охоте, выше которой я ничего не знаю!... Мало того, при натаске без ружья и мой ученик меньше развлекается и увлекается в то же время. Ведь как

хотите, а собаке, да еще молодой, неопытной к тому же, более чем интересно обнюхать, рассмотреть поближе убитую вами дичь, ту самую дичь, к которой только что она вела так страстно, которая составляет главный объект всех ее желаний в настоящую минуту. Нет, никто, по-моему, не может поручиться за себя, никто, раз он истый, страстный охотник, не рискнет сказать, что он не может увлечься охотой; а потому оставим пока наше любимое ружье дома и поведем в натаску нашего воспитанника без него. Поверьте мне, что в этом случае не долго залежится ваше ружье дома, и что

ему скоро придется работать и работать немало!

Некоторые, по преимуществу старые охотники, натаскивают своих молодых собак вместе со старыми. Бесспорно, что в этом случае ваша молодая собака пойдет много скорей, скорей примется за работу, видя постепенно перед глазами опытного учителя или учительницу; но надо помнить только одно то, что как бы ни был хорош преподаватель, ваша молодая собака будет в то же время фотографически верно копировать и все его достоинства и все недостатки.

Я совершенно не признаю такой натаски; не признаю уже по одному тому, что я еще не знаю, что мне можно ожидать от моего ученика. Быть может он обнаружит такие выдающиеся, одному ему присущие достоинства, которые очень и очень редки у большинства подружейных собак. Зачем же я буду в корне губить эти достоинства, зачем же я буду стараться получить точную копию с моей старой, хотя бы и очень хорошей, подружейной собаки? Мало того, но всякая самостоятельная работа, всякие проблески молодого, хотя бы хотя бы еще не вполне расцветшего, развившегося таланта,

по-моему, всегда выше даже самой безукоризненной копии.

Считаю далеко не лишним в этом маленьком моем введении к натаске сказать, что суки вообще раньше развиваются, чем кобели, а значит и раньше принимаются за работу, чем последние. Начинать натаску кобеля раньше года я считаю преждевременным; суку же позволяю себе начинать натаскивать даже с девяти — десятимесячного возраста, раз она у меня окончательно к этому подготовлена.

Всю натаску подружейной собаки, как и ее дрессировку, я попробую разбить на отделы и

постараюсь каждый из них описать
возможно подробней. Этих отделов
натаски подружейной собаки
немного, вот они: приискание
болота, подходящего для натаски, и
первый выход в поле; потяжка,
стойка и подводка; падение собаки
при вылете дичи и при выстреле и
укладывание на стойке и отзыв от
нее.

**Приискание болота,
подходящего для натаски, и
первый выход в поле**

Наш воспитанник уже с успехом прошел весь курс подготовительной дрессировки; он уже настолько безукоризненно знает, все ее требования, что отчетливо, без малейшего замедления проделывает все, что вы потребуете от него. Приступим же теперь к самому главному в его жизни, т. е. к натаске его по дичи.

Прежде чем вести моего ученика на болото, я считаю необходимым найти таковое, но возможности, вполне подходящее для этой цели, осмотреть его и узнать, какие из видов дичи можно встретить там.

Безусловно хорошо, если у вас, кроме вашего молодого питомца, есть еще старая, бывалая, хотя бы даже и испорченная отчасти, собака. Она вам понадобится только на один день, но зато принесет и вам, и молодому ученику вашему большую пользу. Я с ней ни в каком случае не поведу на болото моего воспитанника, как бы хороша она ни была в поле, но перед началом натаски она мне сослужит еще раз немалую пользу. Если же у вас нет старой собаки и то не беда: вам только потребуется походить побольше, а дупелей несколько, на известном болоте, вы и без нее

найдете и сгоните. Понятно, что без собаки вы и пройдете многих из них, но, все-таки, натолкнетесь и выпустите нескольких, а значит и будете знать наверное, что на этом болоте есть нужная вам для натаски дичь.

Но вот, вы решаетесь завтра, наконец, в первый раз вести по птице нашего питомца. Не ему же ее разыскивать впервые, когда он еще и понятия-то о ней не имеет! Завтра для вас день замечательный! Но вы и сегодня уже волнуетесь, ждете и дожидаться никак не можете, когда свалится хотя немного жара, и вы пойдете с вашей старой собакой

подыскать луговину или болото, пригодное для первого выхода вашего воспитанника в поле.

Где есть достаточно дупелей, где дупель токует, выводится, там вы всегда скоро найдете подходящее болото для натаски вашего ученика. Раз для вас есть возможность выбирать среди дупелиного приволья, — выбирайте всегда достаточно обширный потный лужок с небольшими и нетопкими болотниками и лучше всего без кусков лозняка, обыкновенно растущего по таким местам; здесь и ходьба как для вас, так и для вашей собаки будет легкая, всегда она на

виду у вас будет, да и работать ей будет нисколько не затруднительно. Старайтесь выбрать такую луговую чистину, чтобы дупелей на ней было не через чур много, и вовсе отсутствовали утиные выводки, коростели и водяные курочки, так сильно всегда горячащие не только молодую, но даже и старую опытную собаку. Утки, водяные курочки, благодаря маловодности таких потных болот, неохотно селятся на них; но зато коростель, этот один из главнейших врагов натаски молодых собак, сплошь и рядом обильно населяет их. До закона об охоте я поступал, если хотите, далеко не

хорошо, выбивая перед первым выходом моего ученика всех коростелей на том болоте, на котором я рассчитывал впервые показать ему дичь, и оставляя там нетронутыми дупелей.

Если подходящее для натаски болото вами найдено, но на нем существует дупелиный точок, то это уже, несмотря на все удобства местности для натаски, представляет собой некоторое совсем нежелательное явление. Известно, что дупель на току совсем другое дело, нежели тот же дупель, затаившийся где — либо под кочкой. Дупеля на место своего тока

собираются группой и бывают во время его настолько строги, что зачастую не подпускают к себе даже и многопольную, опытную собаку; а разлетевшись с него в разные стороны, рассаживаются на виду по кочкам и зорко следят как за вами, так и за вашей собакой.

Слишком рано, пока еще по траве лежит большая роса, все равно не следует вести на болота вашего питомца; поэтому я всегда с успехом не раз практиковал следующее: за час, приблизительно, до выхода с моим учеником на намеченное мною болото, посылал туда человека, вся обязанность которого заключалась в

том, что он разгонял дупелиный точок и не давал ему собираться снова, расхаживая по току и сгонял прилетавших на него дупелей. Затем появлялся я с моим воспитанником и, ни в коем случае не подходя с ним близко к току, вел его прямо к разместившимся и затаившимся вокруг дупелям.

Еще очень рано; еще чуть брезжит свет, как вы уже проснулись, встали с постели и оделись для выхода в поле.

Проснулся ваш воспитанник, встал со своей постели, потянулся, зевнул сладко и, повиливая хвостом, подошел приласкаться к вам. Вы

задумчиво гладите его шелковистую голову и опять думаете, что-то вас ждет впереди: то ли восторг полный и радость безграничная, то ли разочарование горькое?...

Ваш питомец подошел к двери и напросился во двор. Вы сами повели его; ввели на крыльцо и, поеживаясь от охватившей вас всего утренней прохладой, стоите там, пока бегают по двору ваша собака, и смотрите на небо, уже опасаясь, что может разыграться нехороший, сильно ветреный или дождливый день; но ваши опасения напрасны: ясное голубое небо безоблачно, ветерка ни малейшего.

Вам не терпится, и вы выходите даже несколько раньше, чем рассчитывали. Свежо еще пока в утреннем воздухе; чудное утро выпало для первого выхода вашего питомца в поле; не шелохнутся, стоят одетые молодой, яркой зеленью березы, с такими чистыми белыми стволами; реет воздух в дали, напоенный ароматом трав и цветов душистых; горлинки воркуют нежно; с громким криком носятся во все стороны ласточки; перепела отбивают в стороне; да откуда-то с болота дальнего доносится мелодичное курлыканье журавлей... Но вам вовсе не до ясного, тихого,

погожего утра в эти минуты, вам не до прелестей окружающей вас роскошной природы; вы все свое внимание, все помыслы свои сосредоточиваете на вашем ученике, вы почти глаз с него не сводите...

Еще выйдя из дому, если только намеченное вами болото недалеко от вас и вам не приходится ехать до него на лошадях, вы послали к ноге вашего воспитанника и наблюдаете за ним, боясь, что он посмеет без вашего позволения выдвинуться вперед. Но ваша боязнь совершенно напрасна: как на пружинах, выступает у ноги вашей хорошо, выдержанная собака; у нее и в

помыслах даже нет посмечь
ослушаться вашего приказания, хотя
ей так хочется побегать, порезвиться
по траве зеленой, мягкой.

Вас разбирает нетерпение
поскорей добраться до места, и вы
против воли своей, против желания
машинально все ускоряете, и
ускоряете свои шаги. Не спешите,
сдерживайте себя, ведь успеется все
это, зачем же вы горячите и себя и
питомца вашего; ведь он не привык
еще так быстро идти за ногой и, не
понимая, зачем вы идете так быстро,
легко может выдвинуться вперед,
поспевая за вами.

Уже совсем близко заранее
намеченное вами болото: вот оно все
раскинулось перед вами. Оно так
знакомо вам, что вы заранее можете
определить, в каких именно местах
его сидят затаившиеся дупеля.
Пожалуйста, не торопитесь! Если вы
чувствуете себя сильно
взволнованны, то лучше присядьте,
не надолго уложите около себя
вашего питомца, и выкурите одну,
другую папироску, если вы курите.
Отдохните, успокойтесь и тогда уже
ведите на болото вашу собаку. Хотя
вы почти что и не ощущаете никакого
дуновения ветра, но он есть, хотя и
незначительный; закурите папиросу,

и вы, по направлению дыма от нее, узнаете, откуда тянет ветерком, направление ветра теперь определено у вас; вы успокоились достаточно, пойдете же теперь на болото и поведем с собой вашего ученика.

Вот вы и вступили в болото. Собака наша все еще идет у ноги; пора и пускать ее на поиск. Приостановитесь же перед тем, как посылать вперед вашего питомца, уложите его у ног, пристегните к его ошейнику короткую сворку, на всякий случай приготовьте свисток, чтобы вам не разыскивать его, когда он вам понадобится, и, пустивши

вперед вашего ученика против ветра, медленно, не спеша ни в коем случае, идите, за ним по болоту.

Как лучшая скаковая лошадь со старта, со всех ног кинется вперед ваша собака, лишь только услышит от вас на то разрешение. Дайте ей полную свободу; пусть она носится, где и как хочет; старайтесь только об одном: тихо подвигаться вперед, направляя рукой поиск вашего ученика в ту сторону, где вы рассчитываете найти дупелей, и ни в каком случае не забывая известного уже вам направления ветра. Если ваш воспитанник, энергично кинувшийся вперед на поиск, сначала и не находя

нигде тех лакомых кусочков, которые он привык находить в поле раньше, пойдет ленивее и начнет часто подбегать к вам, то старайтесь побуждать поискать лаской, но отнюдь не угрозой.

Совсем недалеко уже, по вашему, до того места болота, где вы вчера еще сгоняли дупелей, и где они и сейчас есть наверное. Идите к тому месту еще медленней, направляя туда же вашего ученика против ветра. Но что вдруг сделалось с ним, с вашим питомцем? Отчего это он так изменился вдруг, так преобразился весь до неузнаваемости? Вся фигура его стала как-то сразу более

напряженной, более красивой, более гордой, наконец, если можно так выразиться. Вот он замялся на одном месте; на вас взглянул, точно недоумевая, не понимая чего-то и требуя от вас, учителя своего разъяснения, глубоко втянул в себя воздух и медленно, осторожно, как бы боясь, опасаясь чего-то неведомого, а значит, пока и страшного для него, потянул вперед.

Вы видите, что ваш ученик ведет очень и очень робко, еще боясь того, что так соблазнительно доносится до его чутья; ободрите же его, ласково посылая вперед. Пользуйтесь в то же время медленной подводкой его и

пристегните, на всякий случай к короткой сворке, надетой на вашего питомца, еще и длинную, а также приготовьте и прикол. Быть может, все это и не понадобится вам; но все же лучше, если все будет наготове, почем знать, может и очень даже понадобится.

Все медленней и медленней продвигается вперед ваша молодая собака. Идите же следом за ней, не приближаясь к ней близко, но так, чтобы волочащийся по траве конец сворки был возможно ближе около ваших ног. Еще несколько робких, неуверенных шагов, и ваш любимец замер на первой стойке. Вам некогда

пока любоваться этой, хотя и картинной, но робкой пока стойкой; не до того вам пока. Поскорее и крепче воткните прикол в петлю на конце сворки, так чтобы она ни в коем случае не была натянута, и, не спеша, все так же медленно приближайтесь к вашей собаке, держа в правой руке плетъ наготове. Вам, я уверен, не придется пускать ее в дело; но все-таки лучше пусть она будет у вас наготове.

Продержите подольше на первой стойке вашего питомца, уложите его на ней, как перед кусочком, глядя его и одобряя, время от времени. Попробуйте же теперь со стойки

послать вперед вашего воспитанника, только вряд ли вам удастся это. Он очарован этим неведомым, так сильно доносящимся до него запахом; он и жаждет приблизиться к нему и в то же время боится, боится страшно. Покорный раньше всегда вашей воле, вашему малейшему приказанию, на этот раз ваш ученик положительно отказывается повиноваться слову «вперед» и только вздрагивает слегка от сильного нервного напряжения. Пробуйте посылать его вперед ласково, но ни в каком случае не строго; он и так уже напуган отчасти этим чем-то неведомым, а тут вы еще

начинаете строжиться над ним; к чему же окончательно запугивать молодую собаку?...

Вам остается только одно: зайдите вперед вашего стоящего на стойке воспитанника и сами вспугните дупеля: но идите при этом все так же медленно, тихо, ни в каком случае не ускоряя вашего обычного шага.

С характерным, столь знакомым уху каждого охотника, фурчанием, поднялся у вас из-под ног дупель и потянул тихо и ровно над лугом. Не глядите на него, успеете еще наглядеться не раз; глядите скорей на вашего ученика, глядите, что с ним

делается в эту минуту, Здесь с вашей собакой может случиться одно из трех: или она, испуганно поджавши хвост и съежившись вся как-то, робко подается назад, точно прячась за вас, или забывши все свои страхи, все обучение ваше, со всех ног кинется вдогонку за улетающей птицей, или же в полном недоумении останется неподвижно на месте, разве приляжет только, то высоко поднимая вверх голову и следя за летящим дупелем, то пригибая ее вниз, чуть не к самой земле.

Рассмотрим же теперь, как должны вы поступить в каждом на

этих трех случаев.

В первом, если вы замечаете, что ваша собака оробела сильно и робко уходит назад со стойки, — подзовите ее к себе ласковым голосом, ободрите и приласкайте, да и не мешает дать ей один, другой кусочек лакомый из вашей коробки, подведите ее к тому месту, где сидел только что так напугавший ее дупель, опять-таки лаской, а не угрозой, и дайте ей вволю обнюхать все это место, дайте ей самой разобраться со своим страхом и понять всю его неосновательность. При таких случаях, разыскивая дальше дупелей с вашим питомцем, пустите его затем

уже на свободе, без всякой спорки; эта сворка ни к чему пока вам; можно наверное сказать, что ваш ученик, по крайней мере впервые дни своей натаски, ни в каком случае, не обазартится и не кинется вдогонку за улетающей из-под его стойки птицей. Укладывайте вашу собаку сейчас же после вылета птицы, стараясь чтобы она ложилась почти одновременно с подъемом дичи из-под ее стойки. С такой робкой собакой вам предстоит только одна забота: стараться лаской и одобрением уничтожить у нее всякие страхи к взлетающей дичи.

Во втором случае, когда вам попадается ученик не робкого десятка, который, несмотря на всю вашу предыдущую дрессировку, забывши все на свете, кинется вслед за дупелем, вы сейчас же, раз только увидите это, крикните ему строго «лежать» и поднимите вверх руку, вооруженную плетью. Кинувшись за дупелем, ваш ученик получит прежде всего сильный толчок от сворки, прикрепленной к приколу, которая и удержит его на месте. Если он не ляжет сейчас же, по вашему приказанию, то, не стесняясь нисколько, стегните его побольнее плетью и все-таки уложите его. С

таким субъектом вам придется сразу принять круты меры. Как бы вам не было жалко вашего питомца, все-таки накажите его и уложите сейчас же, иначе дальше уже будет поздно. Дайте ему полежать и успокоиться достаточное время, а затем пробуйте подвести его к следующему дупелю, или к тому же переместившемуся, и если при этом с ним повторится та же история, что и при первой стойке, тогда вам нечего стесняться более: вы опять наградите его сильным ударом плети и уложите на месте. Замените сейчас же обыкновенный ошейник, надетый на вашу собаку, парфорсом и ведите ее дальше,

давши ей полную свободу
разыскивать новую или
переместившуюся птицу. Вот ваш
горячий ученик прихватил нового
дупеля, энергично и страстно подвел
к нему и замер на стойке. Сейчас же
закрепите сворку приколом и с
плетью в руке подойдите к вашему
ученику. Дайте ему постоять
подольше, а затем пошлите его
вперед. Дупель поднялся, и ваш
питомец кинулся было следом за
ним; но он смутился сразу; он
получит сильный укол парфорса, а в
то же время удар плети от вас и ваше
грозное приказание лежать.
Несколько таких уроков на парфорсе,

и ваш ученик бросит всякое

поползновение кидаться вслед за улетающей птицей.

Я особенно люблю и предпочитаю собак именно этой второй категории. Возни с такой собакой побольше, это верно; но зато она всегда страстней, энергичней, а значит и красивей, будет впоследствии работать.

В третьем случае почти что не предстоит никакой возни с вашей молодой собакой. Похвалите ее, приласкайте после того, как она ляжет вслед за вылетом дичи и ведите ее дальше, снявши с нее длинную сворку. Следите тут только настойчиво и постоянно за тем,

чтобы она каждый раз проделывала то же, т. — е. ложилась бы сейчас после вылета птицы.

Но это еще не все: на этих трех случаях, после первой стойки вашей собаки, нельзя останавливаться окончательно. Очень часто попадаются такие собаки, которые, несмотря на свой уже вполне пригодный для натаски, возраст, сначала не обращают на дичь никакого внимания. Она и на пташку, весело щебечущую, и на бабочку, перепархивающую с цветка на цветок, и на лягушку, прыгнувшую у нее из-под ног, и на муху всякую обратит более внимания, нежели на

дупеля, с треском вспорхнувшего у нее из-под носа. Она только мельком взглянет вслед улетающей дичи, а затем, не обращая на нее никакого внимания, не интересуясь ею нисколько, сейчас же опять займется тем же, т. — е. птичками, бабочками и всем прочим. Вы можете подумать в этом случае, что у вашего питомца отсутствует самое необходимое для подружейной собаки качество, а именно: чутье; но вы ошибаетесь почти всегда... Не чутье у нее отсутствует, вовсе нет, а просто, **время ее еще не пришло** . Имейте больше терпения в этом случае и, не переставая, водите вашего питомца

ежедневно на болото. Вы увидите, что рано или поздно, а он примется за дело и сплошь и рядом обнаружит почти сразу не только хорошее, но иногда и выдающееся чутье.

Для такой непринимающейся долго за работу молодой собаки необходимо болото, обильное дичью. Чем больше на нем дупелей, тем чаще она наталкивается на них, тем скорей она примется за работу. Ясно, что в данном случае до тех пор, пока ваша собака не пойдет на дичь, ей не понадобится ни плеть, ни сворка, ни парфорс; но, все-таки, иметь все эти вещи, необходимые при натаске, всегда надо при себе, а не оставлять

их дома. Легко может случиться, что ваш питомец пойдет совершенно неожиданно в один прекрасный день, а тогда все это вам может очень и очень понадобиться.

Есть еще один довольно нередкий тип молодой подружейной собаки. Это самый неприятный тип, по моему. Такая собака, пущенная вами впервые на болото, начинает, забывши всю вашу дрессировку и не боясь ничего, преисправно гонять дупелей, почти-что без всякой подводки к ним и стойки. С такой собакой следует принять самые крутые меры. Не думайте, пожалуйста, что она забыла все ваши

предшествующие уроки дрессировки; вы сильно ошибаетесь, думая это. Попробуйте повторить с ней дома весь пройденный вами раньше курс дрессировки и вы увидите, что она ничего не забыла и все исполняет отлично и исполняет более чем отчетливо. Она горячится просто-напросто на болоте и не имеет ни сил, ни воли сдержаться и обуздать свою горячность. Обуздайте же вы ее в таком случае; возьмите ее сейчас же на парфорс и ведите к первому же согнанному ею и переместившемуся дупелю. Она все так же будет рваться вперед; по парфорс с успехом сделает свое дело. Вы держите в руке

конец длинной сворки, держите крепко, и раз ваш ученик попробует рвануться вперед, он каждый раз получит сильный укол парфорса и ваш грозный окрик к тому же, а не то, так еще и удар плети.

Но вот вы подошли уже настолько близко к переместившемуся дупелю, что, по-вашему, ученик ваш должен бы уже прихватить, причуять его запах, а между тем этого совсем незаметно по нему. Остановитесь же на месте и придерживая вашего питомца на сворке, дайте ему успокоиться и обнюхать вокруг. Причуует она затаившуюся дичь — хорошо, не

причует — нечего делать! Если ваш ученик, успокоившись, прихватит затаившегося недалеко дупеля и потянет к нему, позвольте ему это, держа крепко в руке конец сворки и недопуская его вести к птице слишком быстро; придерживайте его на сворке и успокаивайте, по возможности. Если он замер вблизи дичи на стойке, — дело сделано, вам больше нечего и желать. Продержите же его в таком положении возможно дольше, уложите, даже, пожалуй, на стойке и успокойте его ласковыми словами, а затем пошлите вперед стронуть птицу. Вырвался дупель из-под ног вашей собаки, кинулась было

она за ним; держите же посильней сворку и наградите ее добрым ударом плети, строго приказывая лечь. Поводите таким образом несколько, дней вашего непокорного ученики и вы увидите, что он смиритсЯ в конце-концов и вам можно будет снять парфорс, заменив его обыкновенным ошейником.

Другое дело, если ваша молодая собака, подведенная на парфорсе к дупелю, все-таки не станет тянуть к нему, а просто, как и раньше, когда вы пробовали пускать ее на свободе, будет без всякой потяжки и стойки срывать птицу и пытаться гнаться за ней. В этом случае вам предстоит

очень много поработать с ней. Вам придется водить ее все также на парфорсе очень долгое время до тех пор, пока она поймет, наконец, чего вы от нее требуете и начнет подводить к птице, а затем и стоять над ней. Полезно при этом нежелательном случае, если ваша собака, следя за летящим дупелем, заметит место, где он опустился. Она тогда будет тянуть к нему на-глаз сначала, а затем, после нескольких таких уроков, будет уже пользоваться и чутьем.

Кто натаскал достаточное количество собак, тот знает, что часто попадаются такие экземпляры,

которые при всем своем уме и полевых достоинствах, бывают настолько упорны и упрямы, что приходится потратить немало времени и труда прежде, чем удастся сломить это упрямство. Неприятно, если вам попадется один из подобных экземпляров, что и говорить; но все-таки мой совет, не оставляйте без внимания такого вашего ученика: водите его почаще и терпеливо работайте над ним, и вы рано или поздно увидите, что труды ваши не пропали даром, а привели вас к полному успеху.

Потяжка, стойка и подводка

Теперь я скажу несколько слов о подводке к дичи молодой собаки и о ее стойке. (*В работе собаки по дичи следует различать 4 момента (подразделения) ее работы:*

1 — поиск, длящийся до того момента, как собака начнет причуивать признаки присутствия дичи в доступном для ее чутья расстоянии;

2 — потяжку — работа собаки, разбирающейся в донесшемся до нее запахе до момента окончательного определения ею наличия дичи; эта работа заканчивается

3 — стойкой на расстоянии, не допускающей преждевременного

взлета дичи, и

4 — **после** стойки следует посылка охотником собаки вперед, чтобы птица взлетела; эта работа **после стойки** зовется подводка, и ее ни как не следует смешивать с установившимся термином «потяжка», которая происходит **до стойки** .).

Подводка у подружейных собак бывает двух видов. Первый вид (потяжка) выражается в том, что собака, причуявши затаившуюся дичь, ведет к ней медленно, едва переступая с ноги на ногу и даже приостанавливаясь время от времени, точно замирая на стойке, на

минуту, другую; другой же вид (подводка) быстрый, энергичный, когда собака после стойки, прихвативши дичь, ведет к ней скоро, изредка даже рысцой, нигде не задерживаясь.

Лучшей потяжкой я считаю такую, при которой собака легко поведет и станет по строгому весеннему бекасу (конечно, принимая в расчет ее чутье!). Я всегда, например, стрелял из-под стоек моих воспитанников тетеревей в половине октября месяца, когда, другие охотники, обладающие довольно недурными полевыми собаками, считали это почти что

невозможным. Действительно, в этом случае совершенно уже заматеревший и строгий тетеривиный выводок, несмотря уже на посохшую, а значит и шуршащую под ногами траву, давал мне возможность стрелять по ним, только благодаря осторожной подводке моих питомцев. Понятно, что для охоты и стрельбы из-под стойки такой строгой птицы, помимо тихой и осторожной потяжки, надо еще и то, чтобы ваша собака обладала хорошим чутьем и хорошей подводкой.

Итак, если ваш воспитанник поведет осторожно и медленно к

причужанной им дичи, то и отлично, лучшего ничего и не надо. Старайтесь только, чтобы в нем постепенно не развилась горячность, и чтобы он благодаря последней не изменил свою подводку на более быструю и неосторожную.

Если же ваш ученик, наоборот, ведет к птице чересчур быстро и неосторожно, то вам следует заняться с ним и постепенно обуздать его горячность. Это делается очень просто: стоит только надеть на него парфорс с прикрепленной к последнему своркой, и, раз он начинает тянуть по прихваченной им дичи, взять конец

сворки в руку и вести его на ней, сдерживая его быструю подводку.

Несколько таких уроков, при которых раз он поведет быстрее, чем вы желаете, то получит чувствительный укол парфорса, заставит вашего ученика осторожно подводить к причуянной птице и вообще вести к ней более медленно, изредка приостанавливаясь. Такая медленная с приостановками подводка тем лучше быстрой, что для собаки в данном случае является большая возможность разобраться в доносящемся до ее чутья запахе дичи, а значит и легче верно

привести к последней, не ошибаясь и не обматывая охотника.

Стойка — природное качество всякой современной подружейной собаки, необходимая, так сказать, принадлежность ее; но не у всех собак она бывает одинаково хороша, и потому приходится нередко или укреплять ее, т. — е. заставлять собаку держать ее более долгое время, или же, наоборот, укорачивать ее. Первое сделать много легче, нежели второе.

Если я вижу, что мой ученик обладает достаточно хорошим чутьем, ведет достаточно большое расстояние и останавливается по

причуженной им птице, не на-коротке
в то же время стоит крайне недолго,
стараясь возможно поскорей
сторонуть сидящую впереди его дичь,
то я отлично понимаю, что это не
значит будто бы он не обладает
хорошей, достаточно
продолжительной стойкой. Я
превосходно знаю, что у него просто
нехватает терпения выдержать
подольше нестронутую птицу, что
жадность к птице его обуяла, что он
горячится сильно, и, что, наконец,
это баловство одно. Я сейчас же беру
его на парфорс и в течение
нескольких уроков держу его на нем
на стойке, возможно

продолжительное время. Парфорс — сила в этом случае: он и терпения моему питомцу прибавит, и горячности у него убавит, и понудит его стоять долго и мертво, до моего приказании подвинуться вперед и стронуть птицу.

Вот, чересчур крепкая стойка это такой большой недостаток у подружейной собаки, от которого очень и очень нелегко избавиться. Часто попадаются такие экземпляры, которые раз стали на стойке, то, хоть ты убей их, они не сдвинутся с места. На них ничего не действует: ни приказание ваше подвинуться вперед, ни толчок ногой сзади (что

ни в коем случае не следует делать), ни даже зачастую самый вылет дичи, испугнутой вами. Такая собака не сознает ничего, не чувствует кроме этого одуряющего ее запаха дичи, который приводит ее в такое каталептическое состояние.

С подобной собакой приходится обращаться очень осторожно. Не следует ни в коем случае строго понуждать такую собаку подвигаться вперед, строгостью, а тем более толчками, вы только напугаете ее и не достигнете желаемых результатов. Я с успехом практикую в этом случае следующий прием: раз моя собака приходит в такое состояние на

стойке, я усаживаюсь около нее, ласкаю и стараюсь всячески развлечь ее, или, выражаясь вернее, вернуть ее к действительности, и тогда уже, когда я замечаю, что она пришла в себя и сравнительно успокоилась, ласково ободряя, посылаю ее вперед. Такой прием, повторяемый достаточно часто, делает то, что моя подверженная каталепсии собака, в конце концов, совершенно излечивалась от нее и работала безукоризненно.

**Падение при вылете дичи и при
выстреле**

Одним из главных достоинств вполне дрессированной и натасканной подружейной собаки является приучение ее моментально ложиться, как бы падая, как при вылете дичи, так и при выстреле.

Ведь ваш воспитанник уже не раз проделывал это раньше, безукоризненно укладываясь перед кормом и перед брошенными ему кусочками по вашему приказанию. Он и теперь еще не забыл этого урока, да он и не может забыть его, так как вы все еще сами кормите вашего питомца и каждый раз, прежде чем позволить съесть, приказываете ему лечь. Как же ему

забыть этот важный урок дрессировки. Он отлично знает его, а значит тем легче вам будет приучить ложиться вашего питомца сейчас же вслед за вылетом птицы и падать почти что вместе с раздавшимся звуком ружейного выстрела.

Выдержка собаки — великое дело при ее работе под ружьем. Это давно уже признали англичане, которые не считают готовой подружейной собаку, какими бы выдающимися полевыми качествами она ни обладала, раз в курсе ее дрессировки отсутствует слово «Даун» (ляг), если она не знает этого приема, не обучена ему. И англичане

совершенно правы в этом случае: самые дельные охотники в мире, ценящие очень и очень высоко кровность подружейной собаки, а также и безукоризненную правильность постановки ее полевой работы, они уже давно поняли, что полевая собака, лежащая после вылета птиц и выстрела своего хозяина, может смело считаться перлом дрессировочного искусства и в то же время является лучшим помощником для охотника. Да и в самом деле, такая собака всегда даст вам полную возможность стрельбы по любой самой строгой и напуганной чужими выстрелами

птице; в большинстве случаев полетит только птица, стронутая по вашему приказанию так поставленной собакой, птица же, затаившаяся где-либо сбоку, никогда не вылетит, не видя вблизи себя собаки; и, наконец, так поставленная собака, как бы строга она ни была, никогда не стронется с места после вылета дичи и выстрела охотника, пока не получит на это разрешения.

Этот прием в полевой дрессировке подружейной собаки я всегда стараюсь довести до полного совершенства, а все остальное бросаю временно, пока моя собака не привыкнет, не будет исполнять

безукоризненно своей главной обязанности падать после вылета дичи и сейчас же вслед за звуком выстрела, и только тогда, когда я добьюсь этого от нее в окончательной форме, я начинаю серьезно охотиться из-под нее. Я постоянно требую от моей собаки этого приема не только в первое поле, но и во все последующие. Я ни за что так больно не наказываю моего ученика, как за неисполнение именно этого приема по всем курсе его полевой дрессировки.

Приучить вашу собаку ложиться после вылета дичи и выстрела нетрудно, но надо приучить ее так,

чтобы она делала это моментально, не задерживаясь ни в коем случае, и следить неусыпно за тем, чтобы она отчетливо исполняла это всегда, во всех случаях охоты. Если ваша собака пошла по дичи более или менее хорошо, то вы смело можете начинать приучать ее ложиться после вылета дичи. Она почти всегда сразу поймет, чего вы от нее требуете, и в первый же урок исполнит ваше приказание. К услугам парфорса редко приходится прибегать в этом случае; вполне достаточно, если на вашей собаке надет ошейник с пристегнутой к нему своркой.

Ваша собака подпела и стала по затаившейся дичи. Подойдите к ней, возьмите в левую руку сворку, а в правую плеть, и, продержавши ее достаточное время на стойке, пошлите стронуть птицу. Птица вылетела. Допустим, что ваша собака еще не вполне приучена оставаться на месте после вылета дичи, допустим, что она даже посунулось за ней; держите же ее посильней за сворку, крикните строго, знакомое уже ей уже слепо, «лежать», и если она не послушалась вас сразу, то наградите ее добрым ударом плети, повторяя то же приказание лежать.

Не позволяйте ей вставать скоро; пусть она полежит достаточно времени, это ей принесет одну только пользу. Несколько таких уроков, и вы увидите, что ученик ваш с каждым разом все лучше и лучше, все отчетливей и отчетливей начнет проделывать это. Старайтесь же теперь добиться от него, чтобы он не только ложился после вылета, но, вернее сказать, быстро бы падал в этом случае на землю, в какой бы позе он ни находился перед этим.

Если ваш воспитанник туго поддается этому приему полевой дрессировки и ложится не сразу, а только после долгих к тому

понуждений с вашей стороны, несмотря на то, что вы занимаетесь с ним уже не мало времени, тогда нечего делать: наденьте на него парфорс и обучайте его тому же приему уже на нем. Парфорс понудит его поневоле слушаться вас и быстрее исполнять ваше приказание.

Когда же ваша собака пойдет в поле уже настолько хорошо, что вы решитесь взять с собой ружье и начать стрелять из-под нее, то с первой же вашей охоты приучайте ее точно так же, как и при вылете дичи, после вашего выстрела.

Здесь вы скорее добьетесь желаемого, да и много удобней будет

для вас, если вы не один пойдете на болото с вашей собакой, а возьмете с собой кого-либо из помощников, вся роль которого будет заключаться в том, что он будет стрелять дичь из-под стойки вашей собаки; вы же в то время будете приучать ее падать вместе со звуком выстрела. Способ приучения все тот же, какой вы уже и практиковали, когда обучали вашу собаку ложиться после вылета дичи. Вы даже здесь, пожалуй, гораздо скорей достигните желаемого, так как наш ученик уже привык ложиться после вылета птицы и уже отчетливо проделывает это.

Укладывание на стойке и отзыв от нее

Этот прием полевой дрессировки хотя и не имеет такого важного значения, как предыдущий, но далеко нелишний как для окончательной постановки подружейной собаки, так и для ее дальнейшей работы в поле, а в особенности при охотах на лесную дичь.

Ложиться по вашему приказанию над кормом и над кусочками ваша собака давно уже привыкла, а значит урок укладывания ее на стойке явится как бы только

повторением пройденного. Казалось бы, что это именно так, но на самом деле, в этих двух совершенно одинаковых приемах комнатной и полевой дрессировки существует огромная разница: там ученик ваш лежал над кусочками и кормом, а здесь перед ним будет не корм и не лакомый кусочек, а причуянная им дичь, запах которой так сильно действует на, каждую легавую.

Как всегда картинно, вся охваченная страстью, ведет ваша собака по причуянной ею дичи. Еще несколько замедленных ее шагов, и она, вот-вот, замрет на стойке. Подходите же к ней и ждите того

момента, когда она станет по птице. Но вот ваша собака стала; возьмите в руки сворку, прикрепленную к ошейнику вашего воспитанника, не дергая за нее ни в каком случае, и прикажите ему ложиться хотя и тихо, по достаточно строгим голосом.

В большинстве случаев, приученная раньше ложиться по приказанию, ваша молодая собака хотя и не сразу с некоторым замедлением, но все-таки исполнит вашу волю. Она бы и сразу по-прежнему исполняла ее, так ведь тут теперь совсем другое дело: тут не лакомый кусочек перед нею, а сидит дичь, запах которой так одуряюще

действует вообще на нее, захватывает ее всю, лишает почти всякой воли и приводит ее чуть-что не в полное каталептическое состояние... Вот почему ваш покорный до сих пор ученик и замедлит исполнить ваше приказание, почему и не упадет моментально, как он всегда проделывал это раньше над кусочками. Мало того, у него уже в привычку вошло стоять, замерши, как бы в столбняке, на стойке, а тут, вдруг, снова приходится переломить себя, сбросить с себя охватившее его всецело очарование и менять, свою обычную позу.

Сначала все трудно делается; но через несколько уроков уже вы увидите, что ваш питомец будет сравнительно свободно укладываться на стойке, раз только услышит ваше на то приказание. Повторяйте же почаще, с каждой новой стойкой эти укладывания и вы добьетесь от вашего ученика полного совершенства и этом приеме полевой дрессировки.

Надо наметить, что пойнтеров вообще труднее приучит ложиться на стойке, нежели сеттеров. У последних это качество, можно сказать, в природе, благодаря их первоначальному происхождению от

chien couchant, лежачей собаки, и надо заботиться только развить его в лучшую сторону. Нередко попадают такие экземпляры сеттеров, которые не будучи даже приучены к этому, сами укладываются на стойке, являя таким образом собой прототип старинной chien couchant.

Гораздо труднее приучить молодую собаку отходить от стойки к вам на свиток. Да и в самом деле ей должно быть невероятно трудно проделать это, трудно расстаться, оторваться от охватившего ее, приводящего ее в оцепенение запаха причуянной дичи. Много силы надо употребить ей на то, чтобы

оторваться от этого запаха, уйти от него и не слыша его более, покорно пойти на ваш свисток. Но частая практика и ваша строгая настойчивость рано или поздно принудят вашего ученика, как и во всем прочем, всецело подчиниться вашей воле и, заслышавши ваш призывный свисток, покорно и быстро отрываться от стойки и идти к вам.

Как и при других приемах, начинайте приучать вашего воспитанника к этому на сворке, прикрепленной к обыкновенному ошейнику, и, опять-таки, только в крайнем случае, при полном

отсутствии повиновения, прибегайте к парфорсу.

Вот ваша молодая собака мертво стала по причуянному ей дупелю. Уложите же ее сначала на стойке; она это уже хорошо знает и исполняет быстро и отчетливо. Дайте полежать немного вашему ученику, похвалите его за послушание и затем, взявши в руку конец сворки, позовите его к себе свистком. Ваш питомец, давно уже приученный, моментально итти на свисток, не только в то время, когда он носится где-либо по полю, но и когда он лежит над кормом и лакомыми кусочками, будет здесь сначала в полном недоумении. Да и

не странно ли для него в сущности это ваше небывалое еще требование? Он старался для вас, разыскивал по болоту затаившуюся дичь, причуял ее, наконец, осторожно подвел к ней, мертво стал на стойке, даже лег над ней, по вашему приказанию, значит, хорошо и отчетливо проделал все, что вы от него только требовали, а тут, на тебе, вдруг вы ни с того, ни с сего, даете ему свисток, т. — е., говоря иначе, призываете его к себе, требуя от него совершенно чего-то необычного... Он знает, что ему нужно повиноваться вам и итти сейчас же на ваш зов; но, как же он может это исполнить, когда у него

нет ни сил, ни воли оторваться от причуянной им дичи, которая, затаившись, сидит вон там впереди под кочкой?... И он вздрогнет только после вашего призывного свистка, но не отойдет, ни за что не отойдет от стойки!...

Имейте же снисхождение к вашему воспитаннику и не наказывайте его за это первое послушание. Он бы и рад, как и всегда, подчиниться вашей воле; но, поймите, он не в силах, не может пока исполнить этого!...

Продолжая подзывать к себе вашего ученика со стойки не только свистком, но, в крайности, даже и

ласковым голосом, потяните его слегка за сворку, строньте его о места при помощи ее и, продолжая свистеть, притягивайте его к себе за сворку. Ваш питомец, быть может, и будет упираться сначала и ежеминутно поворачиваться назад к тому месту, где сидит причуянная им, так соблазнительно пахнувшая дичь, но вы не смущайтесь этим, а все также настойчиво, но отнюдь не сильно и не дергая, притягивайте его к себе своркой.

Когда ваш воспитанник, притягиваемый своркой, волей-неволей, подойдет к вам, уложите его около себя, приласкайте (недурно

даже будет, если вы наградите его при этом и лакомым кусочком) и, продержавши у ног достаточно времени, пошлите снова к птице, все так же держа в руке сворку и не допуская, ни в каком случае, вашу собаку стремительно возвращаться к птице, а вести к ней подводкой.

Чем чаще вы будете проделывать этот отзыв со стойки с вашим учеником, чем настойчивей вы будете в этом случае, тем скорее вы и достигнете желаемого результата. Увидите, что к концу первого же поля, как бы далеко ни стал ваш питомец, вам стоит только раз

свистнуть, и он тотчас же сойдет со стойки и прибежит к вам.

Еще раз повторяю, не пропускайте без внимания и не оставляйте без наказания ни одного неверного шага вашей молодой собаки и в то же время хвалите и награждайте ее за послушание, и вы скоро достигнете таких превосходных результатов, каких вы даже, быть может, и не ожидали от вашего воспитанника.

На этом я заканчиваю курс полевой дрессировки и натаски подружейной собаки, но это далеко еще не все: еще не мало вам придется поработать над вашим питомцем,

прежде чем вы достигнете полного совершенства и создадите из пего первоклассного полевого работника. Но не смущайтесь этим, дальнейшая работа ваша уже не будет так тяжела для вас: вы уже начнете стрелять по дичи из-под стойки вашего питомца, а значит, обучая его уму-разуму в то же время будете предаваться вашей любимой страсти — охоте, да еще при том из-под такой собаки, которую вы сами вырастили и воспитали.

Первая охота

Наконец-то настало время, когда вы можете считать вполне законченной первоначальную натаску вашей молодой собаки; наконец-то, вы дождались этого дня.

Завтра уже будет не то, завтра предстоит совсем другое дело; ваш ученик превосходно уже слушается каждого вашего требования, отчетливо и быстро исполняет любое из ваших приказаний и работает ничуть не хуже многопольной, безукоризненно выдержанной собаки... Завтра вы впервые в это лето возьметесь за ваше любимое, давно уже лежащее без дела ружье и

впервые начнете охоту из-под вашего молодого воспитанника.

Вы еще накануне приготовили все необходимое для предстоящей охоты. Вы и патронов наделали больше, чем нужно, и ружье свое протерли; высокие болотные сапоги стоят уже смазанными в вашей комнате; тут же сбоку, на стуле, лежит и костюм, который вы обыкновенно надеваете летом на охоту; все уже уложено, приготовлено у вас.

Еще до солнца вы выехали на охоту. На этот раз вы выбрали большое, обыкновенно, очень обильное дичью болото. Теперь

смело можно показать ему побольше дичи, да и вам после такого долгого ожидания тоже можно безбоязненно поохотиться вволю. Вы даже и мысли не допускаете, чтобы ваш ученик мог сделать что-нибудь не так, как нужно. Ведь вы, по крайней мере, две последние недели водили его так только для практики, две недели тому назад вы уже смело могли начать стрелять из-под стоек вашего питомца, но вы все оттягивали и оттягивали начинать с ним охоту, желая еще более укрепить, поставить тверже эту работу, довести ее до полной безукоризненности, до идеала. Вы опасались

преждевременной стрельбой из-под
вашей молодой собаки разгорячить,
ее, испортить так хорошо начатое
дело, и вы были совершенно правы,
тысячу раз правы... Сегодня,
наконец, вы получите самую ценную,
самую желаемую для вас награду за
ваш труд, за все терпение ваше...

Вы даже почти не волнуетесь
сегодня; вы много спокойней,
уверенней, чем в тот памятный для
вас день, когда вы впервые вели
вашего ученика в натаску по дичи.
Тогда вы еще не знали его, не знали
его достоинств, почти
первоклассных, не знали, что он даст
вам такое счастье, такое

наслаждение; а теперь не то. Теперь вы отлично знаете воспитанника, знаете цену ему, знаете его работу, его превосходные полевые качества, и вы спокойно сидите в экипаже, любуясь все шире и шире развернувшимися перед вашими глазами, такими знакомыми, дорогими окрестностями.

Все ближе и ближе подвигаетесь вы к цели вашей поездки. Уже совсем недалеко, уже виднеется вдали это любимое ваше болото, точно призрачной дымкой, легким туманом подернутое. Вот и все оно перед вами широко раскинулось, со своими озерами заросшими, с речонкой

узенькой, прорезывающей его во всю длину. Каждая кочка почти знакома вам на том обширном болоте, а какая масса местечек есть на нем таких заманчивых для вас, таких дорогих вам по воспоминаниям.

Вот вы доехали до намеченного для привала места. Вы легко и быстро выскакиваете, из экипажа; ваш воспитанник прыгает следом за вами и ложится тут же около, нервно вздрагивая поминутно и глядя, не переставая, на вас. Вы еще даже и не успели приказать ему лежать до тех пор, пока вы соберете ружье и облачитесь в прочие доспехи, как ваш достойный ученик уже сам, не

ожидая на то вашего приказания, проделал это. Вы любуетесь на него, гордитесь его выдержкой и, сторонясь невольно, достаете футляр с ружьем; складываете последнее, надеваете на себя патронташ и ягдташ и, сопровождаемые, пока еще у ноги, вашей молодой собакой, направляетесь к такой заманчивой, дорогой вам по воспоминаниям болотной площади.

Едва переступая с ноги на ноги, не помышляя, хотя немного выдвинуться вперед, выступает за ногой ваша собака. Пора начинать, решаете вы, и посылаете вперед на поиск вашего питомца. Как лучшая

скаковая лошадь со старта, несколькими огромными прыжками отделяется от вас ваша собака и на полном карьере, то описывая круги, то приближаясь к вам, то снова удаляясь, носится она по чистому болоту, разыскивая затаившуюся дичь.

Вы довольны пока вашим учеником, он ищет совершенно правильно, никогда не роясь, не убегает от вас на слишком большое расстояние и не оставляет без внимания ни одного местечка на болоте, где могла бы затаиться дичь; а что самое главное, так это то, что вы видите, чувствуете, наконец, что

он все время, как бы далеко ни ушел на поиске, внимательно и неотступно следит за вами, за своим хозяином, работает не только лишь для себя, но и для вас. Вы медленно, с ноги на ногу, подвигаетесь вперед, ступая по мягкой шелковистой, пока еще такой влажной от обильной утренней росы траве болота и, глаз не спуская, следите за вашей собакой.

Но вот, точно замялся ваш воспитанник на секунду, другую, точно что-то вдруг властно задержало его быстрый бег; проходит несколько секунд, и он, весь преобразившись сразу, повел по прихваченной им птице; да ведь как

повел-то... Точно что-то быстро вспыхнуло, разгорелось вдруг там, внутри вашей груди; вы глаз оторвать от вашего любимца не можете; вы напряженно, с восторгом, охватившим вас всего, любуетесь на полную энергии и непобедимой страсти, его потяжку... «Как он станет далеко!... Какое у него превосходное, дивное чутье!...» — проносится в вашей голове.

Мертвая и в то же время идеально красивая стойка. Еще более замедляя шаги, не спеша, подходите вы к собаке в то время, когда вам просто к ней хочется бежать, когда

страсть бурно, без удержу, клокочет в вашей груди.

«Отозвать его от стойки или не отзывать?» — невольно задаете вы себе вопрос. Да, конечно же, отзовите, посоветую я, уложив еще, предварительно, его на стойке: одним словом, повторите все те приемы, которые вы проделывали во время его натаски: лишняя практика никогда не мешает и, кроме пользы, ничего не принесет вашему воспитаннику. Вы уложили его, затем отозвали на свисток от стойки, продержали некоторое время у своих ног и, приласкавши, похваливши вашего покорного ученика, снова

послали его вперед к дичи. Опять привел к ней ваш питомец и опять вытянулся в картинной стойке.

Теперь и стрелять можно. Вы еще подходите к вашей собаке и посылаете ее вперед стронуть птицу. Все так же медленно, как и во время потяжки, ни в коем случае не бросками, подвигается к птице ваш питомец. Но вот впереди его с характерным шумом крыльев, покрехтывая, поднимается жирный дупель. Вы уже рот раскрыли, чтобы приказать лежать вашей собаке после вылета птицы; но ваш воспитанник предупреждает вас, он уже сам лег моментально, не дожидаясь даже

вашего приказания. Он отлично знает, что вместе с вылетом птицы он, так или иначе обязан лечь на землю и лежать там до тех пор, пока вы не позволите ему встать; так почему же ему и не исполнить этого, заранее предупреждая ваше приказание? Вы быстро вскидываете ружье вслед уже отлетевшему, благодаря вашему замедлению, достаточно далеко дупелю и нажимаете гашетку. Настигнутый снарядом мелкой дроби дупель камушком падает на зеленую траву луга. Вы опасливо поглядываете на вашу молодую собаку; но напрасно вы опасаетесь чего-либо, ваш ученик

уже настолько выдержан, что даже и не помышляет встать на ноги после вашего выстрела. Ведь вы раньше несколько дней потратили на то, чтобы приучить его падать на землю, вместе со звуком выстрела, спокойно относиться к этому звуку, так чего же боитесь вы, чего опасаетесь?...

Не спеша, вынимаете вы стрелянную гильзу, заменяете ее новой, хвалите и ласкаете вашего любимца и разрешаете ему, наконец, встать а места и направиться отыскивать убитого вами дупеля. Вот он скоро прихватил его запах, повел вас к нему и остановился около убитой дичи, лежащей в траве. Вы

опять укладываете над убитой птицей вашу собаку, нагибаетесь, поднимаете дичь, кладете ее в сетку ягдташа и посылаете вашего любимца снова на поиск.

Находились вы достаточно; уже вон как высоко поднялось солнышко; день разыгрался такой жаркий. Вы и постреляли в волю и набили дичи достаточно, налюбовались на вашего покорного воспитанника, ходившего так безукоризненно. Пора и честь знать! Вы выходите из болота на сухое место, посылаете к ноге вашу собаку и хотя и усталый, но страшно довольный, направляетесь к привалу.

Еще больше наслаждения, больше радостей получаете вы в это вечернее поле. Дичи вы находите не мало; еще лучше, еще осмысленней работает ваша молодая собака. И вы, счастливый, довольный возвращаетесь домой, когда уже солнце скрылось за горизонтом и повеяло вечерней прохладой.

Я только что описал вашу первую охоту с молодой собакой, прошедшую при самых благоприятных условиях, но далеко не всегда так случается. Бывает сплошь и рядом, что ваш ученик закапризничает, если можно так выразиться, и после второй, третьей

хорошо сработанной птицы, начнет дурить, ни с того, ни с сего, например, не ляжет после вылета птицы или выстрела, начтер продвигаться к убитой вами дичи, не ожидая на это вашего разрешения, и т. д. Тогда совсем другое дело, тогда вам остается немедленно же прекратить всякую охоту, забросить ружье за спину, пристегнуть к ошейнику вашего упрямца сворку, и, в крайнем случае, надеть на него далее и парфорс и, вооружившись вместо ружья плетью, серьезно и строго заняться сейчас же исправлением этого обнаруженного вашей собакой недостатка, и только,

когда она исправится окончательно, снова взяться за ружье.

Иллюстрируя, так сказать, подобное явление, я не могу не привести здесь одного случая из моей практики. Я натаскивал как-то суку пойнтера «Мод», происходящую от знаменитого «Спорта IX» и «Мисс» собак А. А. Ланского. Мод пошла на славу с первого же выхода в поле и обнаружила, как подружейная собака, массу достоинств. Я уже стрелял из-под нее, и вот после одной удачной охоты, когда я решил, что могу считать Мод вполне готовой подружейной собакой, я пешком возвращался домой болотом густо

заросшим деревьями и кустами. Мод
шла у ног, вдруг ее не стало. Я
оглянулся назад и увидел мою собаку,
замершую у куста в картинной, как
всегда, стойке. В полной
уверенности, что там в кусте сидит
затаившийся старый, еще не
вылинявший черныш, я вернулся к
собаке и послал ее вперед. Мод
подвинулась; из-под куста выскочил
заяц и ударился бежать опушкой
болота; вздрогнула моя собака и
кинулась за ним. Я и руку поднял, и
крикнул ей «лежать»; да где тут было
— моя Мод, как добрая борзая, со
всех ног, бросилась в догонку за
улепетывающим косым. Я и кричал,

и свистел, желая вернуть погнавшуюся собаку, ничего не помогало, и Мод умчалась за зайцем в места неведомые. Мне оставалось одно: присесть, закурить папиросу и ждать мою ученицу, пока она соблаговолит вернуться ко мне. Я так и сделал. Почти что около получаса пропадала Мод, а затем и появилась с виноватым видом, поджавши прутик. Постой же, думаю, так этого оставить нельзя; зайцев-то возле болота достаточно!... Надел я на Мод парфорс и повел ее специально по зайцам. Косого не пришлось искать долго; вот она причуяла его, подвела и стала. Подожди же ты, голубушка,

думаю! Подошел я к Мод вплотную, взял в руки сворку и вооружился плетью. Командую ей: «вперед». Выпрыгнул заяц из куста; а я и плети поднять не успел, как уже Мод легла, вся вытянувшись. Другого зайца нашли, третьего — ложится моя Мод безукоризненно. Это так, думаю, просто недоразумение какое-то случилось при первом зайце. Снял я с собаки парфорс и пустил ее на свободе. Снова заяц и снова моя Мод унеслась за ним вдогонку и пропала надолго. Вот тебе и совершенно готовая подружейная собака!... Забросил я после этого совершенно охоту и целую неделю почти

натаскивал Мод, исключительно по зайцам, пока не добился таки того, что Мод, где бы не увидела бегущего зайца, ложилась моментально. После этого случая я каждую молодую собаку, в известное время ее натаски, считаю необходимым познакомить не только с пернатой дичью, но и с зайцами.

Никогда не посоветую, охотясь с первопольной собакой, ходить по болоту в компании с другими охотниками, при других собаках. Я, по крайней мере, стараюсь всеми силами избегать таких компанейских охот в течение первого поля моего воспитанника. Согласитесь сами, что

в числе других собак всегда легко может попасться такая, которая своим примером, кроме вреда, ничего не принесет вашему питомцу.

Ведь у вас еще молодая собака, только что начавшая свою полевую работу; у ней практики еще так мало было на этом поприще; а вы, вдруг, ведете ее в компании с другими собаками, зачастую, быть может, и не достаточно выдержанными, да даже если они все безусловно и хороши, то и тогда они будут развлекать вашего молодого ученика и отвлекать его от точной и правильной работы. Зачем же я стану делать это; зачем буду портить его? Неужели вы столько

времени потратили на его воспитание, дрессировку и натаску только затем, чтобы не dokonчивши, как следует, первого поля, снова начать возиться над исправлением вашего питомца, вами же испорченного?

Я понимаю, вам доставит большое удовольствие, если ваши товарищи-охотники увидят безукоризненную работу вашего питомца и придут от нее в восторг. Так, кто же вам мешает сделать это? Выберите среди ваших товарищей дельного, не горячего охотника и пригласите его с собой на охоту при том непременно условии, чтобы он

ни в каком случае не брал своей собаки, стрелял из-под вашей.

Этот ваш товарищ, стреляя из-под вашей молодой собаки, легко может во время охоты оказать вам большую услугу. Попросите его отойти на время от вас подальше на болоте и выстрелить по какой-либо дичи, поднятой им без помощи собаки (например, по переместившемуся дупелю). Если ваш питомец в этом случае кинется на чужой выстрел, попросите вашего товарища подозвать его к себе и, не жалея, наказать плетью. Этим он окажет вам ту большую услугу, что ваша молодая собака никогда больше

не пожадничают и не пойдут на чужой выстрел, даже близко не подойдет на охоте к постороннему человеку; и это более чем необходимо для всех при дальнейших охотах с вашей собакой, в компании.

Если вы хотите, чтобы ваша собака шла одинаково хорошо, то не забывайте того главного правила, что, по крайней мере, и первое поле, всегда следует стрелять дичь только из-под ее стойки и, ни в коем случае, не стрелять случайно попавшуюся или же мимо летящую.

Дальнейшая натаска

Под словами «дальнейшей натаски» я подразумеваю, главным образом, необходимость рано или поздно показать нашей молодой и уже вполне вам подчинившейся собаке не только одну болотную дичь, но и всякую другую, по которой вам придется с ней охотиться.

Пока молодая собака совершенно не будет поставлена, пока еще я не смогу сказать, что она вполне в моих руках, я ни за что не поведу ее по лесной дичи. В лесу не на болоте; здесь не всегда собака на глазах: она завернула на поиске за какой-либо густой куст, и вам уже не

видно ее, а значит и невозможно, следить неотступно за ее работой. Совершенно другое дело в тех местностях, где тетерева и куропатки держатся в открытых, почти степных местах, а значит, и дают полную возможность постоянно следить за работой молодой собаки.

К сожалению, таких привольных, открытых тетеревиных мест у нас в Европейской России очень немного; в большинстве же случаев нам для того, чтобы показать тетеревей вашей молодой собаке, приходится вести ее в лес. Выбирайте в таком случае всегда обширные ягодные сенокосные

поляны. Здесь почти наверное всегда можно разыскать выводок, другой, да и собаке вашей придется хотя отчасти, работать не среди кустов, а на чистом месте.

Тетеревиные выводки очень любят посещать такие кормовые для них поляны в вечернее, а еще более в утреннее время, пока не начнет сильно пригревать солнце и не заставит их убраться от жара в кусты. Пользуйтесь же этим обстоятельством и ведите вашу молодую собаку утром на одну из таких полян.

Ваш воспитанник уже безукоризненно работает на болоте,

и вы даже мысли не допускаете, чтобы он мог проделать во время своей работы что-либо для вас нежелательное. Так-то оно так, а все-таки, я вам посоветую, возьмите с собой на этот ваш первый с ним выход по лесной дичи не только свисток, но и плеть и парфорс со своркой: тетеревиная мамаша на дупеля или бекаса совсем не похожа, а потому и глядите в оба за вашим пока безусловно покорным любимцем.

Вы выходите на охоту рано-рано; вам еще нужно пройти достаточно времени прежде, чем вы доберетесь до места, где, как вам известно,

всегда можно рассчитывать найти тетеревиные выводки. Ваша молодая собака у ноги следует за вами. В лесу так славно, привольно в это раннее утро; всюду, по траве и кустам низким, блестит обильная роса; воздух напоен запахом хвои. Комара, мучителя охотника, еще нет пока, он намок от росы и сидит где-либо, не будучи в силах подняться и начать жалить всякое живое существо. Мерным шагом идете вы по узенькой тропинке, пробираясь к заранее намеченным вами полянам, и вокруг вас высится смешанный лес: тут и сосна вечно зеленая, и береза со своим белым стволом, и осина

трепетная, все это стоит, точно застывши, не колеблемое даже легким дуновением ветерка... Впереди вас, испуганно вскрикивая, вылетают из кустов дрозды, да где-то дикий голубь воркует тоскливо...

Не спешите сильно, не к чему вам утомлять себя, да и напрасно вы будете сильно спешить: ведь тетеревиные выводки недолюбливают обильную росу и не охотно идут на кормежку, пока она не спадет. Все выше и выше поднимается солнце, еще пока прохладно, сыро в лесу, но уже и комары поднялись и назойливо жужжат, лезут к вам в лицо.

Но вот вы дошли до поляны, где рассчитываете начать искать выводок. Отдохните немного, покурите, а затем и пустите искать вашу молодую собаку. Она сначала будет как бы в недоумении. Она еще не бывала в лесу, не привыкла искать здесь, да еще и не знает, что искать ей; болото — другое дело: там она теперь уже, как дома, знает, куда ей направить свой поиск, знает, где вернее всего можно ей разыскать затаившегося дупеля; а здесь она именно как в лесу. Неуверенно как-то кинулась ваша собака на поиск; отбежала она немного, приостановилась, на вас взглянула и,

поощряемая вами, тронулась дальше, все еще несколько удивленная необычайной для нее обстановкой лесной охоты.

Вы уже прошли достаточно; скоро уже поляна кончится, и начнется опять сплошной лес: а выводка все еще нет, как нет. Вы удивлены этим обстоятельством: ведь в прошлом году вы стреляли не мало тетеревов, стреляли благоразумно, оставляя матку и одну молодую тетерку от каждого, найденного вами выводка; кажись, как бы не быть тетеревам, а их что-то нет.

Но вот, вдруг, когда вы уже потеряли всякую надежду разыскать хотя бы один выводок, почти у самой опушки ваша собака чего-то замялась, как бы смущаемая каким-то незнакомым запахом, достигшим до ее чутья, втянула в себя воздух и повела нерешительно, точно робея, в сторону.

Забудьте в эту минуту, что ваш воспитанник уже выдержан в совершенстве и, пользуясь его приостановками, пока он разбирается в тетеревиных набродах, пристегните к его ошейнику сворку. Мало ли что может случиться; лишняя предосторожность никогда

не помешает вам, ведь вы отлично знаете, как поднимается тетеревиная матка от выводка, и какие она проделывает фокусы, стараясь обмануть и увести от своих птенцов и вас, и вашу собаку; а потому, право, сворка ничуть не помещает вам в этом случае.

Довольно долго вела ваша пока неопытная в этом деле собака, разбираясь в набродах; но вот она стала. Вы отлично знаете, что впереди ее, затаившись в густой траве, сидит выводок; но только как он сидит, разбившись ли на поиске: за кормом или же в куче, вот вопрос для вас очень существенный. Вам

очень хочется, чтобы выводок сидел не в куче; тогда вы вспугнете матку, а цыплят можно будет перебрать по одиночке, и вы настреляетесь тогда вволю, и собака ваша поработает достаточно.

Вы посылаете вперед вашего воспитанника. С квохтаньем поднимается впереди его матка и летит неправильно, низко так, виляя из стороны в сторону, точно подстреленная, точно падающая на землю. Вашему ученику, еще не видавшему ни разу такого соблазна, так и хочется кинуться за ней вдогонку и схватить птицу; но конец сворки у вас уже давно в руках, а

ваше строгое приказание лежать заставляет его смириться и, хотя — нехотя, улечься на землю, но он еще не скоро успокоится, не скоро забудет эту незнакомую пока ему, так соблазняющую его птицу и долго еще будет он поглядывать в ту сторону, куда улетела тетерка; а тут еще, как нарочно, она уселась где-то недалеко в стороне и, нет-нет, да и принимается квохтать, предупреждая своих оставшихся птенцов об опасности.

Дайте полежать, успокоиться вашей собаке, затем пустите ее разыскивать тетеревят. Не долго она будет разыскивать их: всего

несколько шагов отошла она от места вылета матки, как уже снова замерла на стойке. Вы подошли к ней поближе, выдержали ее достаточно и приказали подать птицу. Поднялся тетеревок уже в черном пере. Вы взглянули, лег ли ваш питомец и, убедившись, что он лег, вскинули ружье и свалили тетеревенка. Не идите к нему и не поднимайте его сейчас же; ведь он никуда не денется, и не позволяйте вашей собаке тянуть к нему. Покончите прежде со всем выводком, а потом уже начните собирать убитых; так много лучше как для вас, так и для вашей собаки; приучайте же ее к этому; ведь у

вашего питомца настолько хорошее чутье, что он всегда разыщет вам долее и подстреленного, забежавшего куда-либо тетеревенка; к чему же вам, в таком случае, торопиться подбирать его?

На ваше счастье выводок оказался достаточно большим по количеству цыплят, да и разбредшимся к тому же на кормежке. Не выбивайте его начисто; оставляйте лучше всегда, кроме матки, еще и одну молодую самочку. Я всегда так делаю и никогда не раскаиваюсь в этом. Благодаря такому приёму у меня почти всегда

на будущее лето бывают два выводка там, где в прошлом был только один.

Но вот вы покончили с выводком; соберите же теперь убитых вами тетеревят, и, если еще не слишком жарко, если вы не очень устали, то идите дальше и разыскивайте новый выводок. Чем больше приходится работать вашей собаке, чем больше практики у нее, тем лучше и самая работа ее будет в будущем, тем больше опытности приобретает она в этом деле.

Если ваша молодая собака работает хорошо при безукоризненной выдержке, то старайтесь к концу первого же ее

поля познакомить ее со всеми видами дичи, по которой вам придется охотиться с ней; попомните, что каждая новая для нее дичь, помимо стрельбы вашей по ней, требует еще и отдельной по ней натаски молодой собаки; а поэтому не увлекайтесь сильно охотой в первое поле вашей собаки, а неотступно следите за вашим воспитанником и думайте больше о нем, чем о том количестве дичи, какое вы положите в сетку, вашего ягдташа.

Анонс, рапорт или доклад

Я не знаю, не могу еще пока прийти ни к какому заключению в том вопросе, как считать анонс у современной подружейной собаки, т. е. есть ли это качество присущее только некоторым экземплярам, или же оно, хотя и в зародыше, имеется в крови каждой легавой? Мне кажется, что это всецело вопрос будущего, и что это будущее разрешит его в пользу моего последнего предположения.

Современные специалисты, изучившие в совершенстве подружейную собаку, знающие до тонкостей все ее природные качества, утверждают, что докладом обладают далеко не все собаки, а лишь очень редкие из них, и что, притом, докладу нельзя обучить собаку, как бы она ни была умна и выдержана. Некоторые пошли еще дальше и говорят, что собака, обладающая докладом, сама начинает анонсировать в один прекрасный день, не требуя от вас в этом случае никаких указаний, ни поощрений.

С последним мнением я никак не могу согласиться. В моей многолетней практике попадалось не мало анонсирующих легавых, попадалось и тогда, когда я даже самого слова «анонс» еще никогда не слыхивал и не знал о его существовании; но я отлично понимал, что это обнаружившееся у моей собаки качество принесет мне не малую пользу во время некоторых моих охот; а потому всегда всеми силами старался развить его у моей собаки и развивал не без успеха.

Я никогда не забуду, как одна из лучших собак, бывших у меня, сука Нана, на охоте в Волчанском уезде,

Харьковской губернии, по серым куропаткам после долгих безуспешных поисков нашла их, наконец, в густых тернах и, видя, что я не являюсь к ней очень долго, пришла ко мне на свисток и, умильно повиливая прутиком, так начала ласкаться ко мне, что я невольно понял, что тут что-то не так, что она нашла что-то там, в этой чаще терновых кустарников и настойчиво приглашает меня пойти туда с ней. Надо было видеть радость моей красавицы, когда я снова пустил ее, и покорно пошел следом за нею. Она меня привела к самому выводку, и я, удачно разбивши его, настрелялся

вволю. Я и развил затем это качество в моей собаке и довел его до такого совершенства, что впоследствии всегда с успехом пользовался им при моих охотах по глухариным и тетеревиным выводкам в густых местах леса.

Я убежден, что большинство из наших современных подружейных собак обладают этим дивным качеством; но беда в том, что мы, охотники, не стараемся подметить его в них, и, подметивши, развить до возможного совершенства. Хорошо идет наша собака, выдержана она, хоть на полевые испытания ведем, бьем мы из-под нее достаточно

всякой дичи, ну, что же нам еще нужно?... Когда то еще нам этот анонс может понадобится, а тут опять возись с собакой, опять развивай его, анонс этот, когда охота с каждым днем уходит, когда другие охотники в это время всю дичь перебить могут...

Вот если бы не рассуждали так, если бы действительно, заметивши за своей собакой даже маленький намек на анонс, отбросили бы в сторону на время всякую охоту, серьезно бы занялись развитием, усовершенствованием этого чудного качества у легавой, то поверьте мне, у нас неизмеримо больше было бы

анонсирующих подружейных собак, чем их есть в настоящее время.

Не знаю, какая порода из современных подружейных легавых более склонна к анонсу: сеттера или пойнтера, но смею думать, что это качество присуще большинству из них как той, так и другой породы. Я ни за что не возьмусь обучить анонсу любую собаку; но если эта собака обнаружит хотя самый ничтожный намек на него, я берусь, на какие угодно пари, развить в ней это качество и довести его до возможного совершенства.

Как иллюстрацию к моим словам, я позволю себе указать здесь

на ту же Мод, вышедшую из питомника А. А. Ланского, про которую я уже писал раз в главе о натаске по дичи. Я убежден, что эта Мод обладала анонсом и, при его правильном развитии, достигла бы в нем возможного совершенства. Должен сказать, что условия охоты по тетеревиным выводкам в той местности, где работала Мод, таковы, что необходима собака с очень широким и быстрым поиском. Мод обладала этими последними качествами в совершенстве и, пущенная на поиск, уносилась, сплошь и рядом, очень далеко, раз ей скоро не попадался на пути выводок.

Благодаря этому нередко случалось так, что Мод унесется слишком далеко на поиске, найдет, наконец, выводок зачастую в кустах где-либо или в высокой траве и мертво станет по нем. Выводка она не стронет ни в коем случае, пока ее не пошлют сделать это; свистка же своего хозяина не слышит за дальностью расстояния. Наблюдалось не раз, что стоит, стоит Мод над выводком, ляжет потом, не дождавшись своего хозяина, и, наконец, потерявши всякое терпение и своего хозяина, также, но не стронувши, ни в коем случае, выводка, возвратится на то место, откуда ее пустили на поиск.

Владелец ее не раз замечал это и всегда находил ее на том месте, откуда пускал ее на поиск.

Разве же это не начало анонса; разве это не первое его проявление? Стоило только терпеливо дожидаться раз, другой Мод на том месте, откуда ее пустили, а затем итти за ней следом к найденному выводку и смело можно поручиться, что после нескольких таких приемов эта собака начала бы отчетливо анонсировать.

Анонс редко проявляется у молодой собаки по первому полю; обыкновенно же он начинает обнаруживаться у ней тогда, когда она ознакомится уже основательно

со всеми видами дичи, узнает все привычки и особенности жизненных явлений каждого из этих видов.

Раз ваша собака стоит мертво по дичи, раз она всегда покорно отходит от стойки и является к вам на свисток, отчего же вам не попробовать, не узнать: не обладает ли она, помимо остальных своих достоинств, еще и анонсом; а если обладает, то и развить его по возможности.

Ваша собака уже хорошо работает по лесной дичи; попробуйте же пустить ее подальше от себя, дайте, ей полную возможность самостоятельно найти выводок и не

пожадничайте на этот раз. Не идите к вашей собаке, заметивши, что она нашла выводок и крепко стала по нем; а сядьте где-либо в сторонке, как бы не замечая вашего покорного ученика и начните свистком подзывать его к себе, точно вы потеряли его из глаз. Ваша собака, приученная уже вами по свистку отходить от стойки, после некоторого колебания, быть может, все-таки явится к вам, оставивши причуанный ею выводок. Уложите же ее около себя на время, приласкайте, а затем, взяв в руки ружье, идите следом за ней к выводку и стреляйте себе из-под нее сколько вам угодно.

Попробуйте поступать так при каждом, найденном вашей собакой выводке, и почем знать: может быть она через некоторое время, хорошо понявши в чем дело и сознавая вполне, что она должна являться к вам прежде, чем вы пойдете с ней к найденному выводку, и начнет анонсировать, приходя к вам от выводка, уже без всякого свистка с вашей стороны, и ведя затем вас к нему.

Может случиться, что вы ровно ничего не добьетесь от вашей собаки, хотя она и будет все также отходить от стойки на ваш свисток; но, и наоборот, легко может произойти то,

что ваша любимица, помимо всех своих других превосходных полевых качеств, обнаружит еще и такое, как анонс.

Будем же пробовать наших любимцев, молодых собак, на этом поприще высшего проявления собачьего ума и будем надеяться, что большинство из наших воспитанников окажется обладателями этого выдающегося качества, присущего современной легавой.

Второе поле

Считаю необходимым сказать здесь несколько слов о втором поле подружейной собаки, так как лично в деле окончательной постановки легавой я придаю ему громадное значение.

Большинство молодых собак очень хорошо идет по первому полю, но это еще не всегда значит, что они пойдут так же и по второму. Сплошь и рядом приходится наблюдать, что собака, так хорошо работающая свое первое поле, подающая такие большие надежды, поражающая даже всех своей превосходной выдержкой и самым отчетливым исполнением каждого требования своего хозяина,

вдруг, ни с того, ни с сего, пойдет из рук вон плохо в свое второе поле и обнаружит такие порочные качества, каких никак нельзя было раньше ожидать от нее.

Пойнтера в особенности, по-моему, отличаются этим. Они, хотя и начинают работу обыкновенно раньше сеттеров, хотя, зачастую, взятые впервые в поле, начинают сразу работать, как старые, вполне выдержанные подружейные собаки, но зато они и требуют более продолжительной работы над собой, требуют постоянной строгости и неусыпного наблюдения с вашей стороны.

Если ваша собака не начала баловать, а если и начала, то была во время остановлена вами в этом и благополучно провела свое второе поле, то про такую собаку смело можно сказать, что она и дальше сохранит все свои достоинства и до глубокой старости будет верным помощником и другом вашим на охотах. А поэтому я считаю более чем необходимым охотиться и во второе поле с молодой собакой так же, как и в первое, т. е., стараясь не особенно увлекаться самому охотой и строго наказывая вашего воспитанника за самые ничтожные провинности. А то, глядишь,

малейший недосмотр ваш, и ваша собака, так безукоризненно отработавшая свое первое поле, доходит вдруг до того, что начинает даже гнать взлетевшую тетеревиную матку. Ну, что вам за удовольствие снова брать ее на парфорс, возиться с ней, когда, при известном надзоре и строгости с вашей стороны, всегда можно обойтись без этой крайней и неприятной для вас меры?...

Во второе поле далеко не бесполезно сводить несколько раз на болото вашего воспитанника с другой собакой. Понятно, необходимо при этом, чтобы вы хорошо знали эту собаку, знали ее

как правильно выдержанную и хорошо работающую по дичи. При помощи этой второй собаки вы легко приучите вашу секундировать, т. е. останавливаться как бы на стойке, раз другая собака нашла дичь и стала по ней, а не подбегать к ней, мешая ее работе.

Секундированне чаще всего самостоятельно проявляется у современной подружейной собаки. Обыкновенно она увидевши на стойке другую собаку, сама приостановится, вытянувшись, но, не слыша перед собой запаха дичи, опять скоро потянет к последней. Попридержите ее в этом случае и

заставьте стоять на месте, хотя бы и при помощи сворки, если она без нее не слушает вас. Хорошо если при этом другой кто-либо подойдет к той стоящей собаке и убьет из-под нее дичь; ваш же воспитанник, оставаясь на месте, должен лечь вместе со звуком выстрела, как он привык раньше делать это.

Кто желает, чтобы его собаки ходили в паре, тот должен помнить следующие, необходимые при этом, условия: прежде всего эти обе собаки должны быть выдержаны в совершенстве и натасканы, каждая отдельно, в продолжение первого поля; затем они должны обладать

одинаково быстрым поиском, приблизительно одинаковой выносливостью и равномерным чутьем и одинаково совершенной, крепкой стойкой.

При несоблюдении этих условий собаки никогда не будут хорошо работать в паре. Я уже говорю про разницу в выдержке, тут и разговора не может быть о работе в паре таких собак: худо выдержанная собака мало того, что не принесет вам никакого удовольствия при охоте из-под нее, но еще и испортит в конец другую вашу собаку, более выдержанную. Даже сильная разница в чутье уже не дает собакам возможности

правильно работать в паре. Представьте себе, что одна из ваших собак обладает очень хорошим чутьем, тогда как у другой оно только посредственное; вы увидите в этом случае, что собака с лучшим чутьем уже станет по дичи, тогда как другая, только что прихвативши ее запах, все еще будет тянуть по ней; последняя собака, благодаря своему, сравнительно слабому чутью, пройдет первую, уже стоящую на стойке, и остановится впереди ее, а значит будет волновать и горячить собаку, обладающую лучшим чутьем.

Вообще натаскивать собак в паре, несмотря на всю красоту этой

совместной работы, по-моему, следует только тех, которые обладают приблизительно всеми одинаковыми качествами и лучше по второму полю, нежели по первому.

Заканчивая настоящую мою книгу, я должен сказать, что специалист дрессировки и натаски подружейной легавой вряд ли найдет в ней что-либо для себя новое. Да я и не имел в виду специалистов, писавши ее: я просто хотел поделиться с охотниками теми моими сведениями, которые я приобрел в течение своей многолетней охотничьей практики, хотел рассказать им то, что я знаю.

Главным же образом, я имел в виду молодого, начинающего охотника и беру на себя смелость думать, что такому охотнику будет далеко не бесполезно прочесть эту мою книгу.